

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина

Уральский гуманитарный
институт

Н. В. ПРАЩЕРУК

СОВРЕМЕННАЯ ДУХОВНАЯ ПРОЗА: ТРАДИЦИИ, СМЫСЛЫ, ПОЭТИКА

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Н. В. Пращерук

СОВРЕМЕННАЯ ДУХОВНАЯ ПРОЗА: ТРАДИЦИИ, СМЫСЛЫ, ПОЭТИКА

Учебное пособие

Рекомендовано
методическим советом Уральского федерального университета
в качестве учебного пособия для студентов вуза,
обучающихся по направлению подготовки
45.04.01 «Филология»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2018

ББК Ш5(2-р)6-332я7
П708

Рецензенты:

кафедра русской литературы XX и XXI вв., теории литературы
и фольклора Воронежского государственного университета
(заведующий кафедрой доктор филологических наук, профессор

Т. А. Никонова);

Т. В. Федосеева, доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы

Рязанского государственного университета

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор О. Н. Турышева
(Уральский федеральный университет)

Пращерук, Н. В.

П708 Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика :
учеб. пособие / Н. В. Пращерук ; [науч. ред. О. Н. Турышева] ;
М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. —
Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 110 с.

ISBN 978-5-7996-2401-9

Учебное пособие сориентировано на целостное осмысление феномена
современной духовной прозы в единстве его содержательно-ценностной
и художественной сторон. Литературная духовная проза представлена наиболее
концептуальными текстами, демонстрирующими ее основную проблематику,
жанровые и стилевые поиски.

Для магистрантов, обучающихся по направлению «Филология».

ББК Ш5(2-р)6-332я7

На обложке:

Грузия. Храм Самтависи. XI в. Фото Анны Жаровой

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение.....	6
Глава 1. Традиции: духовная проза святителя Игнатия (Брянчанинова).....	11
Глава 2. Современная духовная проза как метажанровое явление ...	22
2.1. Документальная проза: «“Несвятые святые” и другие рассказы» архимандрита Тихона (Шевкунова).....	22
2.2. «Паломничества» Ст. Минакова.....	31
2.3. Автобиографические повести.....	36
2.4. Фрагменты: «Закорючки» П. Мамонова	44
2.5. Библейский роман: «Сладкие весенние баккуроты. Великий понедельник» Ю. Вяземского.....	49
Глава 3. Аскетическая проза Е. Домбровской.....	57
3.1. Опыт «очищения сердца» в святоотеческом понимании: повесть «Весна души. Страницы рабы Божией Анны».....	57
3.2. О функциях и символике снов в повести Е. Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны»	77
3.3. Преображающая память: книга «Воздыхания окованных. Русская сага»	84
Вместо заключения	96
Приложения.....	98

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие «Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика» составлено в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта для направления подготовки «Филология» (магистратура) и представляет собой целостное осмысление крайне мало изученного сегодня литературного явления. Речь идет о литературной духовной прозе XXI в., которая в глубинной своей основе продолжает традиции духовной прозы XIX в. и — шире — святоотеческого наследия. Указанный феномен рассматривается в единстве его содержательно-ценностной и художественной сторон с акцентом на жанровой и повествовательной составляющих. Литературная духовная проза понимается как метажанровое явление, включающее в себя фрагмент, паломнический очерк, автобиографическую повесть и другие жанровые разновидности. Она представлена наиболее концептуальными текстами, демонстрирующими ее основную проблематику, жанровые и стиливые поиски.

Пособие состоит из трех глав, отражающих методологию изучения этой непростой темы: от традиций — к современному бытованию духовной прозы, представленной в достаточно широком диапазоне жанровых вариаций-разновидностей, и — далее — к углубленному рассмотрению такого редкого феномена, как литературная аскетическая проза.

В первой главе раскрыто существо духовной литературной традиции на примере прозы святителя Игнатия (Брянчанинова). В рамках анализа отдельных статей-миниатюр из «Аскетических опытов» и библейской повести «Иосиф» показывается, как собственно духовный опыт святителя претворяется в художественное слово. Во второй исследуется жанрово-эстетическая и духовно-ценностная проблематика прозы 2010-х гг. с выходом к анализу произведений отдельных авторов: «Несвятые святые» и другие

рассказы» арх. Тихона (Шевкунова), (2011); «“Райские отсветы в земных сумерках”: эссе, статьи, очерки о русской культуре XIX–XXI вв.» С. А. Минакова (2017); «С высоты птичьего полета» протоиерея А. Владимирова (2012); «Закорючки» П. Н. Мамонова (2011); «Сладкие весенние баккуроты. Великий понедельник» Ю. П. Вяземского (2009). Третья глава посвящена монографическому рассмотрению творчества Е. Домбровской и ее произведений «Воздыхания окованных. Русская сага» (2012), «Весна души. Страницы рабы Божией Анны» (2016).

Книги, о которых идет речь, дают возможность прикоснуться к бесценному опыту постижения духовных истин, пережитому нашими современниками.

Каждый параграф содержит список необходимых источников, а также круг вопросов, направленных на системное освоение непростой проблемно-ценностной и собственно литературоведческой проблематики.

ВВЕДЕНИЕ

Современная духовная проза вряд ли может изучаться сегодня без уточнения соотношения с таким явлением, как православная беллетристика, которая заявила о себе как о целом направлении в нынешней литературе.

Православная беллетристика представлена широким кругом авторов (А. Владимиров, Т. Шевкунов, В. Крупин, Н. Блохин, Ю. Вознесенская, В. Лялин, Б. Споров, А. Торик, М. Козлов, А. Десницкий, Е. Чудинова, Ю. Сысоева и др.), а также разнообразием жанровых и стиливых форм. Это и документальная проза, и произведения авантюрно-приключенческого направления (остросюжетная православная проза — приключенческая православная литература с элементами детектива), и исторические произведения, и антиутопии, и произведения «еще не названного жанра», которые часть исследователей именует «православным» или «христианским фэнтези». Определенно обозначилась женская проза (Ю. Вознесенская, Ю. Сысоева, Е. Чудинова, Е. Крыжановская, Т. Шипошина, С. Егорова-Фандалюк и др.), а также литература, написанная для детей и подростков (Н. Алеева, А. Торик, Ю. Вознесенская, Е. Чудинова и др.). Вероятно, особо следует выделить художественную прозу, созданную священнослужителями (отцы Т. Шевкунов, А. Владимиров, А. Торик, А. Мокиевский, А. Шантаев, С. Михалевич, Я. Шипов, Н. Агафонов, С. Правдолюбов, Вл. Русин и др.). Православная беллетристика (как и поэзия духовного, а именно православного содержания) становится все более популярной. И это, как мне представляется, знаковое явление, поскольку отражает потребность широкого круга читателей — наших соотечественников — в познании духовных истин.

Развитие православного направления в литературе связано и с процессами трансформации современной массовой культуры в целом. Речь идет о так называемой «демассификации», то есть

о «тенденциях, которые способствуют изменению сущностных характеристик массовой культуры (таких как стандартизация, гомогенность, универсальность, усредненность)»¹. Другими словами, это тенденции к индивидуализации и многообразию, а значит, к сближению массовой и элитарной культуры. Хотя, конечно, не следует забывать и то обстоятельство, что «демассификация» — это своего рода защитный механизм культуры против тотальных процессов «омассовления». В контексте общекультурных проблем значение православной беллетристики, способной своей системой ценностных и мировоззренческих координат противостоять наступлению на личность, еще более возрастает. Такая литература нуждается в системном исследовании (описании, изучении, осмыслении и т. п.) и в современной интерпретации. Литературоведение только приближается к освоению этой обширной и непростой темы².

Дискуссионным является вопрос, насколько корректно использование конфессиональной терминологии в литературоведческих исследованиях, не только обращенных к аксиологическому аспекту, но и выявляющих жанровую и структурно-стилевую специфику подобных произведений.

Ценностно-структурное ядро этой прозы составили произведения с преобладанием автобиографического и документального дискурса, с особым статусом повествовательного «я» и установкой на символическую (иконическую) модель мира. Многие из этих произведений направлены на активный диалог с читателем, который ведется автором изнутри церковного опыта и мотивируется сердечным стремлением открыть ему мир православия. Подобные явления литературы вполне целесообразно объединить понятием литературной духовной прозы³. Такие попытки, в том числе и с опорой на теоретические основания, предприняты в отношении

¹ Смолкина Д. В. Трансформации массовой культуры в постиндустриальном обществе : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2012. С. 15.

² См., например: *Леонов И. С., Корепанова В. А.* Поэтика православной прозы XXI века. Ярославль, 2011; *Краснякова М. С.* Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016; *Бердникова О. А.* Духовные проблемы русской литературы XX века : учеб. пособие : в 2 ч. Воронеж, 2017. Ч. 2.

³ См. об этом: *Пращерук Н. В.* В «школе сокрушения»: о современной духовной прозе // Христианство и русская литература. СПб., 2017. Сб. 8. С. 401–402.

литературы XIX в. Так, Е. Долгова предложила для теоретического осмысления подобных произведений систему следующих критериев: «иконизацию, или символизацию», которая выражается и в интерпретации локуса, и в создании образа (пейзажного и портретного), и на языковом уровне, не исключая живости и конкретики описания; активное выстраивание референции с читательской аудиторией; не поиск идеала, а его утверждение, и этот идеал — Христос, христианство⁴.

Любопытно, но и закономерно, что О. А. Бердникова, один из самых авторитетных специалистов в области изучения духовных традиций в русской литературе XX в., скептически относящаяся к термину «литературная духовная проза», выделяет сходные критерии отбора и осмысления духовной поэзии, конечно, с учетом родовой природы лирических жанров, и в ряде случаев опираясь на исследования других ученых, а именно: «воцерковленный тип художественного сознания», предполагающий «создание особой картины мира, выстраивающейся по конкретным правилам православной жизни»⁵, среди которых пространственно-временные, причинные, а также семантические и этические параметры; «человек... предстает как “человек духовный” или “томимый духовной жаждой”, сознательно и целенаправленно стремящийся к служению высшим Божественным категориям и Сущностям»; «Важнейшая особенность духовной поэзии и ее отличительный признак состоят в том, что духовный поэт не ищет истины, поскольку он знает, что, как говорил Ф. М. Достоевский, “Истина и есть Христос”»; «...доминирующая тема... — странствие человека как странствие души, то приближающейся к Богу, то удаляющейся от Бога...»; интерпретация смерти «не как конца земного существования, а как перехода в небесную обитель, своего рода возвращения к Отцу...»; «Становление (возрастание) духовного человека — основная антропологическая парадигма...»⁶

⁴ Долгова Е. Духовная проза 1830–1870-х годов // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 138–139.

⁵ Золотых Ю. Н. Воцерковленный тип художественного сознания в поэтическом мире И. Шаховского и А. Солодовникова // Вестн. Сев.-Кавказ. федер. ун-та (Ставрополь). 2013. № 4. С. 142.

⁶ Бердникова О. А. Современная духовная поэзия // Бердникова О. А. Духовные проблемы русской литературы : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2. С. 132–134, 136, 137.

Как мне кажется, традиция духовной прозы XIX в. активно развивается в современной литературе. Одним из первых репрезентативных произведений такого рода стала книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы» (2011)⁷. Мощная духовная составляющая в ней поддержана филологически — художественностью образов и языка, сложностью интонации, оригинальным повествовательным решением. Вслед за «Несвятыми святыми» издательство Сретенского монастыря выпустило в подобном формате более десяти книг — рассказы О. Николаевой⁸, прот. Я. Шипова⁹, прот. А. Ткачева¹⁰, прот. А. Лисняка¹¹, А. Богатырева¹², В. Крупина¹³ и мн. др.¹⁴ (Правда, заметим в скобках, что эти книги не вызвали подобного «Несвятым святым» читательского и профессионального интереса, и чтобы отнести эти произведения серии к собственно литературной духовной прозе, нужно более тщательно их исследовать¹⁵.) Как духовную прозу можно рассматривать также автобиографическую повесть отца А. Владимирова «С высоты птичьего полета»¹⁶, книгу фрагментов «Закорючки» П. Мамонова¹⁷, произведения Ст. Минакова, библейский роман Ю. Вяземского. Особое место занимают в этом кругу книги Е. Домбровской, которые, как представляется, можно отнести к традициям аскетической прозы, почти пресекавшимся в нашей литературе, — прозы, сосредоточенной сугубо на «возделывании внутреннего человека»,

⁷ *Арх. Тихон (Шевкунов)*. «Несвятые святые» и другие рассказы. М., 2011. См. об этом: *Пращерук Н. В.* Современная православная проза: жанровый и аксиологический аспекты // *Духовная традиция в русской литературе* : сб. науч. ст. Ижевск, 2013. С. 502–513.

⁸ *Николаева О.* «Небесный огонь» и другие рассказы. М., 2012.

⁹ *Шипов Я.* «Райские хутора» и другие рассказы. М., 2012.

¹⁰ *Ткачев А., прот.* «Страна чудес» и другие рассказы. М., 2013.

¹¹ *Лисняк А., прот.* «Сашина философия» и другие рассказы. М., 2014.

¹² *Богатырев А.* «Ведро незабудок» и другие рассказы. М., 2013.

¹³ *Крупин В.* «Возвращение родника» и другие рассказы. М., 2016.

¹⁴ «Сила молитвы» и другие рассказы. М., 2015 ; *Рожнева О.* «Родственные души» и другие рассказы. М., 2015 ; *Щербинин В.* Сердце сокрушенно. М., 2016 ; *Сараджиеви М.* Рядом с вами. М., 2016 ; *Агафонов Н., прот.* Три повести. М. 2016 и др.

¹⁵ См. об этом: *Бердникова О. А.* Указ. соч. С. 124–128.

¹⁶ *Владимиров А., прот.* С высоты птичьего полета. М., 2012.

¹⁷ *Мамонов П. Н.* Закорючки : в 3 т. // Дураков нет. Тюмень, 2011. С. 24–74. См. об этом: *Пращерук Н. В.* Благодатные свидетельства веры: о православной автобиографической прозе 2010-х годов // Современная православная миссия : материалы докл. III всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2014. С. 185–197.

раскрывающей перед читателем опыт духовного самопознания — «очищения сердца» в святоотеческом понимании.

Если обобщить сказанное, то можно сделать следующие выводы. Литературная духовная проза — это метажанровое явление. Она включает в себя фрагмент, паломнический очерк, автобиографическую повесть и другие жанровые разновидности. По своей сути, это тексты-врачеватели, врачеватели наших душевных ран и нашей духовной немощи через сердечное приобщение к опыту авторов этих произведений.

Глава 1

ТРАДИЦИИ: ДУХОВНАЯ ПРОЗА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)

Святитель Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867), известный православный деятель и духовный писатель (в миру — Дмитрий Александрович Брянчанинов), происходил из знатного дворянского рода, близкого ко двору, к царской семье. Был третьим «намоленным» ребенком (двое умерли), с детских лет жил с ощущением собственного предназначения служить Богу. Думать о монашестве начал с подросткового возраста. Родители же таких стремлений сына не разделяли, думали о его будущей военной карьере. С детства святитель обнаружил блестящие дарования в самых разных сферах — как в гуманитарной, так и в области естественных и точных наук. Поступил по настоянию отца в Петербургское инженерное училище (его же окончил Ф. М. Достоевский), стал лучшим учеником. По окончании служил какое-то время офицером, но в мыслях его были только постриг, монастырь. «Образумить» его пытался сам царь, но этот терпимый, кроткий человек оказался непреклонным в своем главном выборе. В 1827 г. Дмитрий Брянчанинов получил отставку, после нескольких лет послушничества был пострижен в монахи (1831) и наречен именем Игнатий. Несмотря на слабое здоровье, служил на монашеском поприще до кончины. Отличался особым благочестием, мудростью и смирением, широкой образованностью, а также изяществом манер и тонким вкусом.

Интерес к литературе и талант проявились у Дмитрия Брянчанинова еще во время жизни в Петербурге. Он пользовался особым расположением Н. Гнедича, хорошо усвоил некоторые его уроки, в частности, его рекомендации о том, что пишущему автору необходимо до 40 лет считать свои сочинения как бы несуществующими, поскольку они не отмечены еще зрелостью ума, опыта и вкуса. После 40 лет следует обозреть свое наследие и после просмотра и, возможно, переделки либо печатать, либо уничтожить. Может быть, и поэтому к изданию собственных сочинений святитель

приступил уже в последние годы жизни, дополняя и перерабатывая их. В 1864–1967 г. были опубликованы «Аскетические опыты», «Слово о смерти», и уже после кончины напечатаны «Письма» и «Отечник»¹.

В предисловии к первому тому автор, объясняя причины, побудившие его издать свои сочинения, пишет о том, что «он признает себя обязанным дать христианскому обществу отчет в соглядании им земли обетованной, точащей духовные блага, какою является иноческая жизнь, проводимая по учению и преданию Восточной Церкви и созерцаемая в живых представителях Ее...»² Все статьи «Аскетических опытов» изображают православный христианский подвиг в его порядке, постепенности, оберегают подвижника от его увлечений и заблуждений, от несвоевременного стремления к высоким духовным состояниям, научают полагать прочное основание на делании евангельских заповедей и покаянном плаче³.

В 1851 г. Игнатий (Брянчанинов) пишет небольшую статью под характерным названием «Христианский пастырь и христианин-художник». Сочинение создается по просьбе М. И. Глинки, которого совершенно покорили беседы с Брянчаниновым — к тому времени уже архимандритом — и его устные наставления, данные одному из послушников, тенору, обладавшему замечательным голосом⁴. Статья написана в форме диалога, и в ней затрагиваются не только специальные вопросы православно-церковного пения, но и более широкие проблемы — проблемы художественного творчества вообще.

Источниками подлинного творчества, по Брянчанинову, являются духовное устремление человека и «один Бог — предмет, могущий удовлетворить» это устремление:

«Люди, одаренные по природе талантом, не понимают, для чего им дан дар, и некому объяснить им это, — замечает Пастырь, обращаясь к Художнику. — Зло в природе, особливо в человеке, так замаскировано, что болезненное наслаждение им очаровывает юного художника...

¹ Жизнеописание епископа Игнатия (Брянчанинова). М., 2002. С. 19–48, 367–496.

² *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание сочинений : в 7 т. : репр. воспр. изд. 1886 г. М., 1993. Т. 1. Аскетические опыты. С. 71. Далее в этой главе произведения святителя цитируются по данному изданию с указанием номеров тома и страниц в круглых скобках.

³ Там же. С. 71–72.

⁴ Жизнеописание епископа Игнатия (Брянчанинова). С. 184–185.

Когда уже истощаются силы и души и тела, тогда приходит разочарование, по большей части ощущаемое бессознательно и неопределительно. Большая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. <...> Талант человеческий во всей своей силе и несчастной красоте развился в изображении зла; в изображении добра он... слаб, бледен, натянут. <...> Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума евангельский образ мыслей, а для сердца — евангельские ощущения. Первое дается изучением евангельских заповедей, а второе — исполнением их на самом деле. Плоды дел, то есть ощущения, последующие за делами, складываются в сердечную сокровищницу человека и составляют его вечное достояние! Когда усвоится таланту евангельский характер — а это сначала сопряжено с трудом и внутреннюю борьбою — тогда художник озаряется вдохновением свыше, тогда только он может говорить свято, петь свято, живописать свято»⁵.

Этапы духовного пути художника также обозначены в диалоге:

Первое познание человека в области духовной есть познание своей ограниченности как твари, своей греховности и своего падения как твари падшей. Этому познанию гармонирует чувство покаяния и плача. <...> Однако не все церковные песнопения проникнуты плачем. <...> Есть состояние духа, необыкновенно возвышенное, вполне духовное, при котором ум, а с ним и сердце останавливаются в недоумении пред своим невещественным видением. <...> Это состояние высшего благоговения, соединенного со страхом, оно производится живым явлением величия Божия и останавливает все движения ума. <...> Плач родит в свое время радость, хотя и на земле, но не земную⁶.

Этот диалог, исполненный поразительной ясности в толковании сложных вопросов, важен не только сам по себе как драгоценное свидетельство размышлений святителя. В нем, как мне кажется, обозначены грани личности самого святителя Игнатия, а также явлен своеобразный ключ к прочтению его сочинений.

В жизнеописании Игнатия (Брянчанинова), составленном ближайшими учениками, приводится признание святителя о том, как создавались «Аскетические опыты». Святитель отмечал:

⁵ Жизнеописание епископа Игнатия (Брянчанинова). С. 186–187.

⁶ Там же. С. 188, 190–191.

...Ни о каком духовном делании не говорил, а тем более не писал, не проверив своим собственным опытом того учения или делания и его последствий, которые он передавал слушателю или читателю...⁷

Между тем, многие фрагменты из его сочинений — «статьи», как он сам называл их, — стали не только духовным, но еще и ярким литературным опытом, свидетельствующим о художественном вкусе и чувстве стиля автора, и потому должны быть осмыслены как литературное явление. Это прежде всего лирико-философские миниатюры автобиографического характера «Сад во время зимы», «Кладбище», «Древо зимою под окнами келии», «Дума (на берегу моря)» и др., а также библейская повесть «Иосиф» — своеобразный ответ лермонтовскому «Герою нашего времени».

Миниатюры организованы переживанием-размышлением героя-повествователя, напоминающего лирического героя, сюжетно и композиционно выстроены. По своей жанровой природе и сюжетной структуре они сходны с тургеневскими «Стихотворениями в прозе». Созерцание картинки из окружающего мира (чаще всего это пейзаж) «запускает» внутренний сюжет — размышления о человеческой жизни, о простых и вечных ее истинах. Ясная, спокойная религиозность дает возможность герою через внешнюю жизнь природы прозревать духовные сущности, тайны мира, выходить на уровень религиозно-философских обобщений. Его сознание открыто этим тайнам, так как он смиренно и кротко принимает весь Божий замысел о мире и человеке, восхищается совершенством и гармонией сотворенного Богом мира.

В миниатюре «Сад во время зимы» герой созерцает зимний сад «в тихую погоду, в солнечные ясные дни», душа его исполнена тишины и кротости. В зимнем «покойном» пейзаже он прозревает грядущее весеннее пробуждение природы и трактует его как прообраз будущего воскресения. Эти размышления-переживания организуются системой сквозных, ассоциативно связанных между собой мотивов — тишины, покоя, тайны, смерти, воскресения и чуда. Метафоричность языка, прозрачность и чистота стиля позволяют автору избежать дидактизма и воздействовать на читателя силой и поэтичностью созданных им образов. Так, с точки зрения

⁷ Игнатий (Брянчанинов), *свт.* Указ. соч. Т. 1. Аскетические опыты. С. 71.

повествователя, человек, не верящий в воскресение, подобен страннику, который никогда не видел весеннего пробуждения природы и которого привели «в сад, величественно покоящийся во время зимы сном смертным». Привели, чтобы «показать ему обнаженные деревья и поведать о той роскоши, в которую они облекутся весною... он вместо ответа посмотрел бы на вас и улыбнулся — такую несбыточную басню показали бы ему слова ваши»⁸ (2, с. 178).

В миниатюре «Кладбище» речь идет о краткости и бренности земной человеческой жизни. Герой посещает могилы родных, скорбит об умерших, но во время панихиды чувство печали постепенно сменяется «тихим утешением»: «Церковные молитвы растворили живое воспоминание об умерших духовным усаждением» (Там же, с. 184). В этих и других миниатюрах, опредмечивающих переживания самого автора, важны прежде всего запечатленные состояния душевного равновесия и согласия человека с самим собой, состояния обретенной истины и полноты бытия, столь редкие в светской литературе. И эта драгоценная особенность сочинений Брянчанинова еще отчетливее понимается при сопоставлении с тургеневскими «Стихотворениями в прозе», выражающими тоску, обреченность, страх смерти. Святитель Игнатий (Брянчанинов), в отличие от И. С. Тургенева, показывает читателю возможности таланта, стяжавшего «для ума евангельский образ мыслей, а для сердца — евангельские ощущения»⁹. Только такому таланту даровано «состояние высшего благоговения, соединенного со страхом», которое «производится живым явлением величия Божия»¹⁰.

Пастырь-художник дает нам в своих сочинениях замечательные примеры эпифанического видения и эпифанического письма в подлинном, прямом смысле. Теологический термин «эпифания» означает «явление Бога». Он используется сегодня в исследованиях, которые посвящены художникам особого типа — имеющим обостренно яркое восприятие мира, таким как, например, Л. Толстой, И. Бунин, М. Пруст, Дж. Джойс¹¹. В подобном

⁸ Игнатий (Брянчанинов), *свт.* Указ соч. Т. 1. Аскетические опыты.

⁹ Жизнеописание епископа Игнатия (Брянчанинова). С. 187.

¹⁰ Там же. С. 190.

¹¹ См. об этом: *Мамардашвили М. К.* Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995. С. 130; *Пращерук Н. В.* Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. С. 47; *Сливицкая О. В.* «Человек Толстого» как

использовании — верном, но все же во многом метафорическом — данный термин лишается главного религиозного значения и трактуется как «эстетический аналог мистического акта, когда художнику внезапно открывается, “излучается” сама “душа” какого-то предмета, случая, сцены, притом не из области возвышенного — что существенно — а из самой обычной окружающей жизни»¹². Так, О. В. Сливичкая в одной из последних статей о Л. Толстом замечает: «Искусствознание в последнее время оперирует теологическим понятием “эпифания”. В традиционном понимании это внезапное озарение, зримое или слышимое проявление Божественной силы. Вне религиозного смысла это моменты бытия, часто привычные, но внезапно увиденные заново. В эти мгновенья человек погружается в жизнь со всей полнотой и мощью. Возникает чувство своей причастности ко всему»¹³. Далее в качестве примеров исследовательница приводит в одном ряду размышления Умберто Эко о поэтике Джойса и «Дневники» Александра Шмемана, которые «буквально переполнены эпифаническими моментами» (что, заметим, вполне понятно, если иметь в виду то, кому принадлежат эти «Дневники»), называемыми самим священником «уколами полноты и блаженства», «иконой вечности». Сюда же Сливичкая относит и японские хайку, в которых, по ее словам, «непритязательные моменты, что запечатлевают вечность, всплывают из пустоты»¹⁴.

Очевидно, что при выявлении эстетического сходства отмеченных ею явлений совершенно стираются различия их мировоззренческой природы, а само исходное теологическое понятие во многом утрачивает содержательную определенность. В контексте подобных размышлений открытия святителя Игнатия (Брянчанинова) обретают особую значимость, поскольку в своих сочинениях он возвращает нас именно к настоящему смыслу эпифанических явлений, дает своего рода их образцы, соединяя духовное и художественное, облекая «ощущение и движение духовные» (3, с. 316), «глубокое и сильное духовное впечатление» (2, с. 358) в эстетически

динамическое тождество // Русская литература : ист.-лит. журн. 2010. № 4. С. 9 ; *Хоружий С. С.* «Улисс» в русском зеркале // Джойс Д. Собр. соч. : в 3 т. М., 1994. Т. 3. Улисс : роман / пер. с англ. В. Хинкиса и С. С. Хоружего. С. 374.

¹² *Хоружий С. С.* «Улисс» в русском зеркале. С. 374.

¹³ *Сливичкая О. В.* «Человек Толстого» как динамическое тождество. С. 9.

¹⁴ Там же.

адекватную форму. Одно из самых показательных и поэтических произведений такого рода — миниатюра «Роса». Приводим этот текст без купюр.

РОСА

По синему безоблачному небу в прекрасный летний день великолепное светило совершало обычный путь свой. Горели золотые кресты соборного пятиглавого храма, воздвигнутого во славу Всесвятыя Богоначальныя Троицы; сребристые купола его отражали ослепительное сияние лучей солнечных. Тень показывала наступление десятого часа, в который обыкновенно начинается Божественная литургия. Многочисленные толпы народа спешили от большой дороги в мирную обитель иноков: день был воскресный или праздничный — не помню. За оградой того монастыря, к восточной стороне, лежит обширный луг. Тогда он был покрыт густою нежною травою, разнородными дикими цветами, которые цвели и благоухали беспечно на свободе и приволье. В тот день упала на него обильная роса. Бесчисленные ее капли виднелись на каждом цветке, на каждом стебельке и мелком листочке, а в каждой капле изображалось с отчетливостью солнце; каждая капля испускала лучи, подобные лучам солнца. Луг имел вид широко постланного бархатного ковра, на котором по яркой густой зелени роскошная рука рассыпала бесчисленное множество разноцветных драгоценных камней с превосходным отливом, игрою, с лучами и сиянием. В то время священноиннок, готовившийся к совершению Божественной литургии, вышел с глубокою думою из боковых уединенных ворот монастыря (на этом месте впоследствии выстроена церковь во имя святого Григория Богослова) и, сделав несколько шагов, остановился перед лугом обширным. Тихо было у него на сердце; тишине сердца отвечала природа вдохновенной тишиною, тою тишиною, которою бывает полно прекрасное утро июня, которая так благоприятствует созерцанию. Перед глазами его — солнце на лазоревом чистом небе и бесчисленные отпечатки солнца в бесчисленных каплях росы на лугу обширном. Мысль его терялась в какой-то бесконечности — ум был без мысли, как бы нарочно приготовленный, настроенный к принятию духовного впечатления. Священноиннок взглянул на небо, на солнце, на луг, на блистающие капли росы — и внезапно открылось перед очами души объяснение величайшего из таинств христианских, то объяснение, каковым может объясниться непостижимое и необъяснимое, объяснение живым подобием, картиною живописною, которая была перед его глазами. Как будто сказал ему кто: «Вот! — солнце всецело изображается в каждой смиренной, но чистой капле росы: так и Христос в каждой христианской православной церкви всецело

присутствует и предлагается на священной трапезе. Он сообщает свет и жизнь причастникам Своим, которые, приобщившись Божественному Свету и Животу, сами делаются светом и жизнью: так капли росы, приняв в себя лучи солнца, начинают сами испускать лучи, подобные лучам солнечным. Если вещественное и тленное солнце, создание Создателя, стоившее Ему, чтоб придти в бытие, одного беструдного мановения Его воли, может в одно и то же время изобразиться в бесчисленных каплях воды, почему же Самому Создателю, всемогущему и вездесущему, не присутствовать всецело в одно и то же время Своею пресвятою Плотью и Кровью, соединенным с ними Божеством в бесчисленных храмах, где по Его велению и установлению призывается на хлеб и вино вседетельный, Всесвятой Дух для совершения величайшего спасительнейшего непостижимейшего таинства?..» Неся в недрах глубокое и сильное духовное впечатление, возвратился служитель Тайны в келию. Впечатление осталось жить в душе его. Прошли месяцы, прошли годы, оно так же живо, как и в день первоначального ощущения. Разделяя с ближним пользу и назидание, теперь, после многих лет, изображаю его словом и пером. Скудное изображение! Перо и слово слабы для полного и точного изображения духовных тайнозрений. Священное тайнозрение! Священное видение ума! С какою неожиданною внезапностью ты являешься в живописной разительной картине пред умом, приготовленным к видению тайн покаянием и внимательною уединенною молитвою! Как сообщаемое тобою знание сильно, ясно, живо! Какого исполнено неоспоримого непостижимого убеждения! Ты независимо от человека приходишь к тому, кого избираешь или кому посылаешься. Напрасно человек захотел бы проникнуть в духовные тайны сам собою, одним собственным усилием! Он будет только слабым мечтателем, блуждающим ощупью во мраке самообольщения, не чувствуя и не сообщая ни света, ни жизни. Как цепи звучат на руках и ногах невольника, так в мыслях и словах мечтателя услышится отголосок насилия, подделки, принужденности, рабства и мерзости греховной. Путь к духовному тайнозрению — постоянное пребывание в покаянии, в плаче и слезах о греховности своей. Плач и слезы — тот коллурий, которым врачуются душевные очи (Откр. 3 : 18).

Сергиева пустыня, 1846 год (2, с. 357–359).

Миниатюра гармонично выстроена. Дар живописать словом блестяще раскрывается в первых двух абзацах, в которых святитель создает великолепный, эстетически выразительный образ июньского утра. Он щедро использует экспрессивные и изобразительные средства языка. Это метафоры «великолепное светило совершало

обычный путь свой», «[цветы] благоухали беспечно на свободе», «роскошная рука рассыпала бесчисленное множество разноцветных драгоценных камней»; эпитеты «прекрасный день», «ослепительное сияние», «густая нежная трава» и т. п. Игнатий (Брянчанинов) как художник тонко работает со светом, создавая приглушенный, но очень выразительный световой контраст: «горели золотые кресты», «серебристые купола... отражали ослепительное сияние лучей солнечных», и «тень показывала наступление десятого часа». Он использует разнообразную цветовую палитру: «синее безоблачное небо»; «яркая густая зелень». Взгляд художника замечает «каждый цветок, каждый стебелек и мелкий листочек», украшенные капельками росы, словно драгоценными камнями. Внимание к подробностям и деталям соединяется со способностью увидеть и передать все величие открывшейся картины целиком. По-особому организованное повествование с использованием обратного порядка слов («путь свой», «лучей солнечных») и глагольных форм несовершенного вида в сочетании с интенсивностью образного языка создает ощущение остановленной и теперь уже длящейся, всегда пребывающей живой гармонии и красоты. В смиренном созерцании ее иноку открываются смысл и тайна причащения. Запечатлен момент приобщения к истине, которая является герою живописной картиной:

Священнонок взглянул на небо, на солнце, на луг, на блистающие капли росы — и внезапно открылось пред очами души объяснение величайшего из таинств христианских, то объяснение, каковым может объясниться непостижимое и необъяснимое, объяснение живым подобием, картиною живописною, которая была пред его глазами.

При этом изображенное событие являющейся герою истины для автора важно не только само по себе, но и как возможность вернуться к главной теме «Аскетических опытов», главному сквозному сюжету, связавшему все составляющие сочинения в единое произведение. Это сюжет о необходимости для каждого человека непрерывного «духовного делания», духовного прозрения, которое начинается с осознания собственной греховности, покаяния и плача по собственной душе. Именно такая мысль акцентируется четкими и энергичными финальными суждениями: «Путь к духовному тайнознанию — постоянное пребывание в покаянии, в плаче и слезах о греховности своей. Плач и слезы — тот коллурий, которым

врачуются душевные очи». Тем самым миниатюра завершается композиционно, а в соотношении с другими статьями «Аскетических опытов» и в контексте всего произведения в целом обретает дополнительный смысловой объем.

В ином ключе написана библейская повесть «Иосиф», воссоздающая историю известного ветхозаветного персонажа Иосифа Прекрасного, преданного своими братьями и простившего их. Рассказывая сдержанным констатирующим тоном о перипетиях судьбы своего героя, автор будто снова и снова вглядывается в библейский текст, постоянно ссылаясь на него. Безусловно, для святителя Игнатия была важна здесь концепция героя, отражающая христианский идеал личности, но не менее значимым и интересным оказалось то, что Брянчанинов стремился в этой повести самым ее стилем, характером образности воссоздать дух и обаяние не только библейского текста, но и той давней библейской эпохи, когда мир стоял у истоков своего существования, и от этого подлинные основания человеческого бытия были более зримы, более ощутимы, чем в современную культурную эпоху. Словно следуя Моисею, святитель создает особую атмосферу реальности, ощутимости происходящего, «переносит внимательного читателя в отдаленную священную древность» (3, с. 39). Речь идет при этом не просто о знании библейской истории, а именно об ощущении ее, о прикосновении к ней — о проживании ее в собственном мире, собственной душе. Отсюда высказывания, столь точно выражающие суть общения автора с библейским текстом:

Кто погружается часто в созерцание библейских сказаний, тот непременно ощутит в душе своей особенное странное впечатление. Это впечатление состоит в обаянии какой-то свежести, молодости, как бы от дыхания воздухом прекрасного летнего утра. Душа юнеет от пристальных взоров на юность мира, от беседы с юным миром, ее силы бодреют, укрепляются, как дух старца оживает среди общества детей. Приятно насладиться свежестью юного мира, отдохнуть в ней от впечатлений современного, дряхлого, рассыпающегося (там же, с. 40).

Подобный врачующий эффект испытывает сегодняшний читатель при общении с прозой самого святителя Игнатия (Брянчанинова). Думается, его наследие достойно представляет не только святоотеческую мысль, оно должно быть включено и в историю русской словесности.

Вопросы для размышления

1. Духовная проза как жанр. Дискуссионность использования профессиональных характеристик в литературоведческой терминологии. Как соотносятся понятия «православная проза» и «духовная проза»?
2. Духовная проза святителя Игнатия (Брянчанинова) как явление художественной словесности.
3. Миниатюры из «Аскетических опытов»: герой-повествователь, картина мира, система образов и мотивов, стиль.
4. Библейская повесть «Иосиф»: дух и обаяние эпохи, герой.

Глава 2

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДУХОВНАЯ ПРОЗА КАК МЕТАЖАНРОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

2.1. Документальная проза: «“Несвятые святые” и другие рассказы» архимандрита Тихона (Шевкунова)

Своеобразной точкой отсчета в осмыслении феномена духовной прозы, произведением, задающим систему подходов и критериев к прочтению того или иного текста, связанного с указанной проблематикой, стала книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы» (2011)¹. Для нас, светских людей, это было открытием целого мира. Не случайно книга вызвала множество откликов, широкое обсуждение в Интернете. Приведу лишь некоторые суждения: «...Его книга похожа на чудо. Ведь в ней все вроде бы не по правилам. Нет, например, единого сюжета, который скреплял бы эти многочисленные зарисовки и эссе, а оторваться от чтения невозможно. И хочется перечитывать книгу, вновь встречаться с ее героями, осмыслять их мир, его правду и силу... Нет здесь и обычной для современной православной литературы елейности. Напротив, герои книги способны на самые решительные, зачастую жесткие поступки. И еще — эта книга очень радостная... Она о самых сокровенных сторонах жизни монахов и русских монастырей. Это бестселлер, написанный православным монахом. И в то же время, что тоже удивительно, это традиционная русская проза, с неожиданно прекрасным литературным языком»²; «Без тени назидательности, одна эта книга есть настоящая миссионерская

¹ *Арх. Тихон (Шевкунов)*. «Несвятые святые» и другие рассказы. М., 2011. В дальнейшем в этой главе книга цитируется с указанием страниц в круглых скобках.

² *Коновалов В.* Бестселлер, написанный монахом // «“Несвятые святые” и другие рассказы» : официальный сайт книги архимандрита Тихона. URL: <http://ot-stories.ru> (дата обращения: 03.05.2014).

глуба и стоит тысяч лекций и поучений...»³; «Книга архимандрита Тихона разошлась мгновенно... Каков жанр этой книги? Может быть, это современный патерик, или сборник жизнеописаний подвижников благочестия нашего времени, или просто собрание личных воспоминаний? Пожалуй, точнее всего эту книгу можно назвать энциклопедией церковной жизни нашего времени, причем не официальной, а внутренней, духовной»⁴; «Думаю, что эта книга этапная для общего нашего сознания. Неужели еще кому-то не ясно, что Россия достойна именно такой литературы»⁵; «Еще несколько слов об этой книге... С ее страниц, поверх всего, о чем бы ни велась речь, светят неиссякаемо радость и веселие... те самые, о которых говорит Иисус Христос в своих заповедях о блаженстве: “Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех”»⁶; «В современной церковной словесности книга беспрецедентна!»⁷; «Книга отца Тихона — как огромный букет. Розы, пионы, тихие полевые цветы, просто травы и листья... Сочный и теплый букет жизни, принесенный к подножию Креста»⁸.

Симптоматично, что практически никто из отозвавшихся не называет «Несвятые святые» сборником рассказов. И это очень верно, потому что произведение, вероятнее всего, восходит к жанру «учительных книг» в древнецерковной литературе, возникающих в результате синтеза ветхозаветной мудрости и традиций, связанных с историей греческой философии. (Яркий пример такого синтеза — «Книга Премудрости Соломона», а также «Четвертая книга

³ *Нарочницкая Н.* «Несвятые святые»: О церкви без приторного умиления и ненужного назидания // «Несвятые святые» и другие рассказы»: офиц. сайт книги архимандрита Тихона. URL: <http://ot-stories.ru> (дата обращения: 03.05.2014).

⁴ *Воропаев В.* Форум // «Несвятые святые» и другие рассказы»: офиц. сайт книги архимандрита Тихона. URL: <http://ot-stories.ru> (дата обращения: 03.05.2014).

⁵ *Крутин В.* Форум // «Несвятые святые» и другие рассказы»: офиц. сайт книги архимандрита Тихона. URL: <http://ot-stories.ru> (дата обращения: 03.05.2014).

⁶ *Лошиц Ю.* Иной и его дни: Несколько слов о книге «Несвятые святые» и другие рассказы // «Несвятые святые» и другие рассказы»: офиц. сайт книги архимандрита Тихона. URL: <http://ot-stories.ru> (дата обращения: 03.05.2014).

⁷ *Козлов М., прот.* Патерик отца Тихона // «Несвятые святые» и другие рассказы»: офиц. сайт книги архимандрита Тихона. URL: <http://ot-stories.ru> (дата обращения: 03.05.2014).

⁸ *Шаргунов С.* Форум // «Несвятые святые» и другие рассказы»: офиц. сайт книги архимандрита Тихона. URL: <http://ot-stories.ru> (дата обращения: 03.05.2014).

Маккавейская», которую высоко ценили отцы церкви.) Традиция «учительных книг» присутствует в сочинении отца Тихона золотой россыпью мудрых мыслей и замечательных афоризмов, которые принадлежат как героям, так и самому повествователю. Так, навсегда останутся в памяти слова из проповеди отца Иоанна (Крестьянкина):

Нам дана от Господа заповедь любви к людям, к нашим ближним. Но любят ли они нас или нет — нам об этом нечего беспокоиться. Надо лишь о том заботиться, чтоб нам их полюбить! (с. 65).

Запомнятся и речи матушки Фроси о грехе осуждения:

Где-то я видела картинку: преподобный Сергей — а вокруг такие страшные звери, всякие крокодилы вокруг него. А он стоит и молится. Видели такую? А что это за крокодилы? Знаете? Это бесы да человеческие страсти! Но молитва всех спасает. А судить будешь, нигде не уживешься, это Богу мерзко. Сам за собой гляди! (с. 309).

А это уже от повествователя:

Апостол Павел сделал великое открытие: Иисус Христос вчера, и сегодня, и вовеки Тот же (с. 130).

Еще один афоризм — о закономерностях воспитательного процесса:

...Наказание может служить началом к прощению, и без него прощения быть не может (с. 69).

«Несвятые святые» — книга и в современном понимании книги как жанр — то есть произведение свободной композиции (чаще всего по форме это цикл), но внутренне целостное и концептуально значительное, масштабное. Сочинение отца Тихона называют патериком XXI в., связывая его с описаниями монашеской жизни «Луг Духовный» Иоанна Мосха, «Письмами со Святой Горы» Сергия Святоторца: «Читаешь... и будто продолжаешь чтение о житии монахов первых и средних веков христианства. Они рядом с нами... все с нами, все рядом. Для православия нет времени, оно в вечности. И современности нет — это летящие и исчезающие мгновения жизни. Данные нам для того, чтобы успеть заслужить Царство Небесное», — замечает В. Крупин⁹.

⁹ Крупин В. Указ. соч.

Композиционным центром книги являются портреты великих старцев Псково-Печерской обители — отцов Иоанна (Крестьянкина), Нафанаила, Антипы, Мелхиседека, Гавриила, Алипия, Серафима... От каждого из этих характеров веет мощью и высокой тайной. У молчальника отца Серафима, к которому автор относится «как к живому святому», лишь однажды прорывается признание:

Вы даже не представляете, что такое монастырь! Это... жемчужина, это удивительная драгоценность в нашем мире! Только потом вы это оцените и поймете (с. 79).

Однако автор опирается не только на традиции духовной прозы. Книга отличается удивительным многообразием представленных в ней ярких, полнокровных человеческих характеров. Одна из моих студенток, восхищенная мастерством изображения героев в «Братьях Карамазовых», как-то воскликнула: «Они такие живые, что я вижу их лица». В книге отца Тихона персонажи такие живые, что мы ощущаем их реальное присутствие в нашей жизни. И здесь не обошлось без «психологической школы» русской классики, продемонстрировавшей «небывалое расширение антропологического объема» (В. Котельников) и давшей миру целую галерею образов, называемых «живорожденными». В том, как представлены в книге самые разные герои, угадываются «коварная манера» Н. Лескова с его установкой на «сокрытие личности автора» (Д. Лихачев) и скорбно-радостная мудрость чеховского «Архиерея». А пафос внутренней свободы, которым объединены, казалось бы, совсем не похожие персонажи, и понимание непреложности действия духовных законов в жизни человека роднят автора с Достоевским.

В те атеистические годы советские работники, приезжавшие в монастырь, ожидали увидеть кого угодно: мракобесов, хитрецов-хапуг, темных недочеловеков, но только не тех, кого они встречали на самом деле — своеобразно, но очень интересно образованных умниц, необычайно смелых и внутренне свободных людей, знающих что-то такое, о чем гости даже не догадывались. Уже через несколько минут экскурсантам становилось ясно, что таких людей они не встречали за всю свою жизнь (с. 94).

Если человек чего-то очень настойчиво хочет, причем во вред себе, Господь долго и терпеливо, через людей и обстоятельства жизни отводит его от ненужной, пагубной цели. Но когда мы неуклонно

упорствуем, Господь отходит и попускает свершиться тому, что выбирает наша слепая и немощная свобода. Однажды этот духовный закон начал действовать и в жизни отца Рафаила (с. 630–631).

Очевидно, что каждая из намеченных параллелей представляет интерес для филолога и может быть разработана специально.

Вместе с тем это и очень современно, динамично написанная книга. Автор выступает здесь великолепным рассказчиком, мастером диалога, в каждой реплике явлен характер, обозначена индивидуальность:

Однажды соседка принесла отцу Рафаилу банку огурцов.

— Вот возьми хоть ты, батюшка! А то огурцы все равно пропали, — вздохнула она.

— Ладно, давай! — великодушно согласился отец Рафаил. — Если тебе так жаль их выкинуть, я сам их на помойку снесу (с. 605).

В организации текста угадывается мастерство сценариста, блестящее умение разворачивать на небольшом фрагменте завершенную и содержательно объемную сцену. Все герои максимально приближены к читателю, достигается замечательный эффект их присутствия здесь и сейчас, эффект оживающей и теперь уже всегда пребывающей с нами реальности. Следует добавить к этому точность и образность языка и настоящий дар живописания словом, дар визуализации. Мы не только слышим героев, мы действительно их видим. Приведу в пример фрагмент об отце Иоанне:

В келье, где батюшка принимал своих многочисленных посетителей, он появлялся всегда очень шумно. Отец Иоанн влетал — да-да, именно влетал — и когда ему было семьдесят лет, и восемьдесят, и даже девяносто. Немного покачиваясь от старческой слабости, он бежал к иконе и на минуту, не обращая ни на кого внимания, замирал пред ней, весь погружаясь в молитву за пришедших к нему людей. Закончив это главное дело, он поворачивался к гостям. Охватывал всех радостным взглядом. И тут же спешил благословить каждого. Кому-то что-то шептал. Волновался и объяснял. Утешал, сетовал, подбадривал. Охал и ахал. Всплескивал руками. В общем, больше всего он напоминал наседку, суеящуюся над многочисленным выводком. И только совершив все это, он почти падал на старый диванчик и усаживал рядом с собой первого посетителя (с. 61–62).

А вот сцена из новеллы об отце Нафанаиле:

Как-то летней ночью я нес послушание дежурного на площади перед Успенским храмом. Звезды слабо мерцали на северном небе. Тишина и покой. Трижды гулко пробили часы на башне... И вдруг я почувствовал, что за спиной у меня кто-то появился. Я испуганно обернулся. Это был отец Нафанаил. Он стоял рядом и смотрел в звездное небо. Потом задумчиво спросил:

— Георгий, что ты думаешь о главном принципе коммунизма?

Псково-Печерский монастырь. Успенская площадь. 1983 год. Три часа ночи. Звезды...

Не ожидая от меня ответа, отец Нафанаил так же в задумчивости продолжал:

— Главный принцип коммунизма — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Но ведь «способности», «потребности» — это ведь, конечно, какая-то комиссия будет определять? А какая комиссия?.. Скорее всего — «тройка»! Вот вызовут меня и скажут: «Ну, Нафанаил, какие у тебя способности? Кубометров двадцать леса в день напилить сможешь! А какие потребности? Бобовая похлебка!.. Вот он и весь главный принцип... (с. 94).

Прочитав книгу, понимаешь, насколько она внутренне целостна, гармонична. Все сюжеты, столь разные и порой неожиданные, объединены общей темой встречи с Богом, а также позицией смиренного созерцания «поразительных действий Промысла Спасителя о нашем мире» (с. 636). Ненавязчиво, без какой бы то ни было дидактики, но вполне определенно утверждается реальность духовного, реальность «мира невидимого» и его действий в нашей каждодневной жизни. В связи с этим важно подчеркнуть трезвое, немистическое отношение автора к мистическим вопросам. Отец Тихон в одном из интервью сказал об этом очень определенно:

Я и сам недолюбливаю мистику. А что касается книги, то помните у Шекспира: «Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам». В книжке истории, может, для кого-то и могут показаться чудесными, фантастическими, необычайными, но для церковной жизни они весьма обычны. Да и личности, действующие в них, зачастую всем известны. <...> В книге документально рассказывается о мире, который находится рядом. Совсем поблизости от нашего обычного и привычного. Только мы среди важных и суетных дел этот мир не замечаем. Пока не выясняется, что проживаем жизнь, не замечая главного...»¹⁰

¹⁰ Форум // «Несвятые святые» и другие рассказы : офиц. сайт книги архимандрита Тихона. URL: <http://ot-stories.ru> (дата обращения: 03.05.2014).

В новелле «Черный пудель» ярко и с юмором показано, что «при всей своей значимости “мистические” события порой бывают весьма ироничными и даже забавными» (с. 350). Юмор — важная составляющая этой серьезной книги. В такой своей позиции автор «Несвятых святых» восстанавливает, по существу, прерванную в русской литературе традицию, идущую от В. Соловьева с его «Тремя свиданиями», «Das ewig-weibliche» («Вечно женственным»), «Тремя разговорами...». Юмор и здравый смысл спасают от экзальтации и не противоречат живому религиозному чувству, это только союзники в вопросах веры. В «Трех разговорах...» философ и писатель создает образ афонского монаха Варсонофия, который просто и мудро наставляет героев:

...В вере будь тверд не по страху грехов, а потому, что уж очень приятно умному человеку с Богом жить, а без Бога-то довольно пакостно; в слово Божие вникай, ведь его, если с толком читать, что ни стих — как рублем подарит; молись ежедневно хоть раз или два с чувством. Умываться-то, небось, не забываешь, а молитва искренняя для души лучше всякого мыла¹¹.

Он с юмором относится к сильно сокрушающимся по поводу своих грехов и рассказывает историю о двух отшельниках, один из которых «забыл» свой грех и спасся, другой же, предавшись унынию, «умер без покаяния»: «...все грехи не беда, кроме одного только — уныния: прочие-то все беззакония они совершали оба вместе, а погиб-то один, который унывал». Монах считает главным грехом уныние, «потому что из него рождается отчаяние, а отчаяние — это уже, собственно, и не грех, а сама смерть духовная»¹².

Закономерно, что в финале книги отца Тихона тоже возникает поразительно точный и емкий образ «тягучего уныния» — «когда тягучее уныние подкрадывается и хочет заполнить душу, когда то же происходит с близкими людьми»... И далее автор как настоящий пастырь дает совет — «вспоминать события, связанные с чудным Промыслом Божиим» (правда, прибегая к формуле личного опыта — «я вспоминаю...»). Завершается книга смешными, грустными,

¹¹ Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе // Соловьев В. С. Смысл любви : избр. произв. М., 1991. С. 332.

¹² Там же. С. 331.

проникновенными историями о друзьях автора, как он говорит, «обычных людях». Особое место среди них отведено отцу Рафаилу, трагически и нелепо погибшему на своем автомобиле, — человеку поразительной веры и любви, огромного человеческого обаяния.

...Отец Рафаил был гениальным провожатым по этому миру. Бог был для него Тем, для Кого он жил и с Кем сам жил каждый миг. И к Кому приводил всякого, кто посылался в его убогую прихрамовую избушку... Многим он просто выворачивал наизнанку все их привычное мировоззрение. Он умел, хотя и в свойственной ему почти легкомысленной манере (это для того, чтобы самого отца Рафаила не воспринимали слишком всерьез), давать такие точные и неожиданные ответы на вопросы собеседников, что порой дух захватывало — какая вдруг открывалась правда жизни! (с. 601–603).

В заключительном рассказе, который дал название всей книге, автор, предваряя финал, подсказывает нам, в чем для христианина состоит неиссякаемый источник радости, побеждающей уныние:

...В конце Божественной литургии, когда великое Таинство уже свершилось и Святые Дары стоят в алтаре на престоле, священник возглашает: «Святая — святым!» Это означает, что святые — те, кто находится сейчас в храме, священники и миряне, с верой пришедшие сюда и ждущие причащения... Оказывается, несмотря на все свои немощи и грехи, люди, составляющие земную Церковь, для Бога — святые (с. 643–645).

И тут-то «начинаешь понимать, почему, читая эту книгу, ты все время радовался»¹³.

Безусловно, книга отца Тихона — это настоящая литература, она важна тем, что в ней задан тот уровень содержания и формы, к которому стоит стремиться каждому пишущему. Автор органично соединил в себе дар пастыря и дар художника, и мемуарная духовная проза стала явлением художественной словесности.

Понятно, что далеко не каждому православно ориентированному талантливому писателю по силам роль пастыря. Однако, даже принимая во внимание это обстоятельство, очевидно, что «качество» православной литературы зависит не только от того,

¹³ Форум // «Несвятые святые» и другие рассказы : офиц. сайт книги архимандрита Тихона.

насколько талантлив автор, обращающийся к религиозной проблематике. Особенно это касается произведений, в которых писатели не боятся изображать «мир невидимый» в реально действующих персонажах. Появилось и появляется большое количество произведений, которые можно назвать увлекательной ангелологией или демонологией. (Так, например, из трилогии Ю. Вознесенской про Юлианну¹⁴ или из «сказки для детей от 14 до 104 лет» «Димон» отца А. Торика¹⁵ можно очень хорошо уяснить роль ангелов в человеческой жизни, а повесть А. Десницкого «Записки Балабола» продолжает знаменитые льюисовские «Записки Баламута»: повествование ведется от имени коллеги Баламута — беса Балабола с поправкой на современную Россию¹⁶). Как в этом случае читателю отличить зерна от плевел? Автору, который называет себя православным, как мне кажется, нужно хорошо знать основы православного вероучения. В создании фантастических миров целесообразно «опираться на Священное Писание, но не так, как ему хочется, а в соответствии с толкованиями отцов церкви»¹⁷.

Вопросы для размышления

1. В чем феномен широкой популярности книги «“Несвятые святые” и другие рассказы» архимандрита Тихона (Шевкунова)?

2. Охарактеризуйте книгу с точки зрения жанра. Как вы понимаете ее название?

3. Рассказы о псково-печерских старцах как духовно-ценностный и содержательный центр книги.

4. Кинематографическое построение рассказов архимандрита Тихона (Шевкунова).

5. Книга архимандрита Тихона (Шевкунова) и традиции русской литературы.

6. Герои «Несвятых святых»: мастерство описаний.

7. Интонационная и стилевая многоплановость. Юмор книги.

¹⁴ *Вознесенская Ю.* Юлианна, или Игра в Киднеппинг. М., 2010 ; *Вознесенская Ю.* Юлианна, или Опасные игры. М., 2010 ; *Вознесенская Ю.* Юлианна, или Игра в «Дочки-матери». М., 2010.

¹⁵ *Торик А., прот.* Димон : сказка для детей от 14 до 104 лет. М., 2008.

¹⁶ *Десницкий А.* Записки Балабола. М., 2007.

¹⁷ *Сысоев Д., свящ.* Курс лекций по догматическому богословию : спец. изд. для миссионерской работы. М., 2011. С. 5.

2.2. «Паломничества» Ст. Минакова

Ст. Минаков — известный харьковский поэт, прозаик и эссеист, ныне получивший российское гражданство и живущий в Белгороде.

Создавая паломнические очерки, автор опирается на жанр хождений (хожений), что прямо указывается в двойном заголовке одного из очерков: «Из красного в красное. Хождение на Кизилташ». И это принципиально. Если в литературном путешествии «события, поступки, чувства, мысли, подчиненные определенной традиции и нанизанные на одну нитку — автора, создают ощущение его как литературного персонажа», а универсальным композиционным приемом оказывается нанизывание событий на путешествующего героя, то в хождениях (до XVII в., по крайней мере) мы наблюдаем обратную ситуацию. Здесь личность автора сознательно приглушена, а мерилom ценности становится “полезность” для благочестивого читателя заочного знакомства со святынями»¹⁸. «Паломнические путешествия XIX века соединяют традиции древнерусского хождения, путевой и мемуарно-автобиографической литературы, духовной прозы... Художественный мир в паломническом путешествии предстает в преломлении “объективного” изображения, данного в многообразии реальных проявлений, и духовного всматривания, данного “внутренними очами”. Хронотоп совмещает реальное, историческое и библейское (священное) время-пространство... Паломнические путешествия к авторитету Священных книг, “комментарийный традиционализм” (термин С. Аверинцева¹⁹), присущий книгам Священного Писания, становится одним из эстетических принципов и в паломническом произведении»²⁰. И хотя по сравнению с исходным жанром в современном паломническом очерке мы наблюдаем усиление

¹⁸ См. об этом: Долгова Е. Духовная проза 1830–1870-х годов // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 138–139; Александрова-Осокина О. Н. Паломническое литературное путешествие в русской литературе 1800–1860-х гг. : русский образ Святой Земли : монография. Хабаровск, 2014 ; Александрова-Осокина О. Н. Художественная картина мира в паломнической прозе 1800–1860-х гг.: священное пространство, история, человек : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2014.

¹⁹ Аверинцев С. С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы : в 9 т. М., 1983. Т. 1. С. 273.

²⁰ Александрова-Осокина О. Н. Художественная картина мира в паломнической прозе 1800–1860-х гг. С. 16.

личностного начала, в повествователе акцентируются все же не индивидуальные качества, а его причастность к миру, о котором он рассказывает.

Знаковым является заголовок первого очерка «Печать обители». Речь как будто идет о формальности — о необходимости отметки печати на миграционных карточках, без которой передвижение паломников через российско-украинскую границу (очерк написан в 2007 г.) будет чрезвычайно затруднено. Однако образ обретает расширительный символический смысл. Этот смысл создается и опорой на общекультурный символизм, но главное, конечно, это ассоциативно подключающиеся к образу евангельские аллюзии, связанные с книгой Откровения Иоанна Богослова, «книгой за семью печатями», печати с которой снимет лишь Агнец: «И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живого. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано было вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего» (Откр. 7: 2—3). Высокая евангельская семантика печати (как знака Бога живого) подчеркнута обращена к православному контексту: не просто печать, а печать обители. Речь идет о православных монастырях, которые посещает паломник (в первом очерке рассказывается о посещении Спасо-Преображенского Валаамского монастыря). «Отмеченность» героя миром, который ему дорог, сердечная причастность к нему выражены в очерке с большим лирическим чувством:

Проходя «веселыми ногами» по паломническим местам, посетив все пять русских лавр, многие другие пустыни и обители, ты в молитвенный круг своего сердца уже не отстраненно-умозрительно, а причастно-родственно вводишь и Антония и Феодосия Печерских, и Зосиму и Савватия Соловецких, и Илью Муромца... и Сергия Радонежского, и старцев оптинских, и Серафима Саровского, и Иоасафа Белгородского, и Иоанна Кронштадтского. И эта совокупная духовная, а то и прямо физическая опора в сих святых — воистину оживленных в сердце твоём — есть несомненное умножение твоих слабых, убогих сил. <...> Оттого и не смолкает в твоём сердце акафист преподобным Сергию и Герману...²¹

²¹ Минаков Ст. Печать обители // Русская народная линия [информ. портал]. URL: <http://ruskline.ru/analitika/2007/09/19/pechat-obiteli/> (дата обращения: 12.05.2017).

Повествование ведется в настоящем времени: «Я жду игумена»; «...спускаюсь к деревянной пристани»; «Время тянется, но мне некуда больше спешить, и хорошо на сердце», и т. п., и т. п. Эффект «длящегося настоящего» усиливают широко используемые назывные предложения с характерными «вот», «и вот», призванные приблизить к читателю то, о чем рассказывается, сделать увиденное и пережитое повествователем зримым, осязаемым и для читателя, «здесь и сейчас»:

Вот он каков, игумен Панкратий (Жердев), возглавляющий братию Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, прежде состоявший в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре на послушании эконома. Строг во взгляде и слове...

Вот и время правления игумена Дамаскина (1839–1881 гг.) — целая эпоха в жизни Валаамского монастыря (да еще какая), начало внешнего процветания обители «при высокой внутренней монашеской жизни»²².

В одном из таких предложений автор, по существу, обозначает концептуальный смысл своего отношения ко времени: «И вот вновь садовод Григорий, через век. Даже так: из XIX в XXI». Следуя авторской логике и отвлекаясь от конкретного эпизода, можно уточнить — не из XIX в., а из глубины первых веков исповедования христианства на Руси. Не случайно во втором очерке автор, рассказывая нам о святом Стефане Сурожском (скончался ок. 795 г.) и о чудесах, произошедших у его раки, подчеркивает, что летняя резиденция святителя находилась в Кизилташе (район современного Судака) во второй половине VIII в., то есть «за два столетия до крещения Руси». Преодолевая историческое время, мы обретаем пространство «вне времени», которое зримо, очевидно являет нам духовную преемственность и в котором вместе с нами пребывают все святые и мученики за веру, все почившие православные, поименные на службе:

Начинаю поминать имена, список которых открывается схимонахами, за ними следуют иные монашествующие, священники, послушники, миряне... имена подвижников, восстающие из глубин лет (веков), словно сливаются с не столь давно представившимися

²² Минаков Ст. Печать обители.

(а рядом ведь слышны другие имена, озвученные чтецами по другим синодикам), объединяясь в единую великую поминальную ораторию. Мы словно окликаем их души, просим за них, входим с ними в связь. И если умственным взором попытаться взглянуть на это «призывание» из космоса, с небес, то увидишь-услышишь впечатляющую, величественную картину одновременного в этот час «голосового чтения» — вне границ меж живыми и мертвыми²³.

Радостью об обретенном Христе и любовью к Нему согреты щедро приводимые автором цитаты из Священного Писания и святоотеческих трудов. Все они в общем цельном контексте воспринимаются как знаки сердечного знания о «мирах иных» и как возможность к ним прикоснуться.

Связь времен осуществляется и через слово поэта, художника. Потому так много здесь «литературы», так органичны цитаты из И. Шмелева, из русских поэтов — Ф. Тютчева, С. Есенина, О. Мандельштама, Э. Багрицкого, Ю. Кублановского и других. В очерке «Из красного в красное. Хожение на Кизилташ» Ст. Минаков приводит собственное стихотворение о мученической смерти игумена Кизилташского Свято-Стефано-Сурожского монастыря отца Парфения: «Сугдея, Солдадя иль Сурож. <...> / а мне же все грезится: весь / в огне преподобный Парфений, / сожженный татарами здесь...»²⁴ Соединение «стихов и прозы остраивает и обостряет природу того и другого»²⁵, сообщая рассказу пронзительное звучание и усиливая воздействие на читателя.

Рассказ о трех святых в этом очерке художественно тонко поддержан сквозным цветовым сюжетом, связанным с объемной символикой красного. От заголовка и эпиграфа из стихотворения Ю. Кублановского — «...Красное — это из красного в красное / В стынувшей честно груди...» — повествование движется к целому ряду реалий и предметов — Краснокамск, цвет камня, ленточки и крестики красного цвета, указывающие паломникам путь к монастырю, «красные кровли», «красная церковная луковка» и т. п. И наконец,

²³ Минаков Ст. Печать обители.

²⁴ Минаков Ст. Из красного в красное : Хожение на Кизилташ // Журнальный зал : [сайт]. URL: http://magazines.russ.ru/novvi_mi/2009/8/mil.html/ (дата обращения: 12.05.2017).

²⁵ Капинос Е. Малые формы поэзии и прозы (Бунин и другие). Новосибирск, 2012. С. 8.

в финале Ст. Минаков использует яркий выразительный образ: «среди красных камней» — иконка «Ангела-хранителя в красном (!) одеянии». Цвет не столько «раскрашивает» мир, о котором рассказывается, сколько символически интерпретирует его. Страдания и кровь мучеников за веру, пламя, в котором сгорело тело отца Парфения, «военного и церковного орденосца, героя Крымской кампании 1854–1855 гг., умницы, автора оригинальных инженерных изобретений по подъему затонувших кораблей», — все это *красный*. Но вишневого (сгустившегося красного) цвета хоругви и ангел-хранитель в красном как цвет богослужения во время Страстной, Вербного воскресения и Воздвижения Креста Господня, как цвет одежды Иоанна, уже несут иное значение — Преображения и Господней Любви. Эта символика акцентирована образом светящегося семиметрового креста, который втащили на святую вершину под руководством командира бойцы местной воинской части:

И — чудо: крест светился затем всю ночь! Да таким необыкновенным светом, что у военнослужащих и членов их семей, которые выходили на улицу взглянуть на диво, захватывало дух²⁶.

Эта же символика продолжена в образе «нескольких зеленых ростков», которые пробивались «из слегка увлажненного углубления в полу» на фоне «красных камней». Смысл такого финала более чем красноречив: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12–24). Зеленые ростки здесь как живые свидетельства того, что смерть побеждается верой и жертвенной любовью. Поэтому не случайно, что следующий очерк «О чем поет Киселева балка»²⁷ посвящен пасхальным переживаниям паломника. В нем повествуется о том, как мир, в котором жертвенной смертью и воскресением Христа побеждена смерть, для православного человека становится разноцветным и поющим.

²⁶ Минаков Ст. Из красного в красное : Хожение на Кизилташ.

²⁷ Минаков Ст. О чем поет Киселева балка // Одна Родина : [информ.-аналит. изд.]. <http://odnarodyna.com.ua/content/o-chyom-poyot-kiselyova-balka> (дата обращения: 12.05.2017).

Вопросы для размышления

1. Паломничества как жанр. Картина мира.
2. Фигура повествователя в «Паломничествах» Ст. Минакова. Особенности повествования и стиля.
3. Образ пространства в «Паломничествах» Ст. Минакова: повседневность и сакральные смыслы. Символика.
4. Анализ очерка или фрагмента из произведения Ст. Минакова (на выбор).

2.3. Автобиографические повести

Повесть протоиерея Артемия Владимирова «С высоты птичьего полета» составили воспоминания первых 17 лет его жизни²⁸. Вместе с героем мы проходим путь от самых первых детских впечатлений до первой исповеди и причастия. В главе «Ясли» речь идет о том, как каждую пятницу малыши ждали момента, когда их заберут на выходные домой. Читателю явлена абсолютная невозможность для ребенка существовать вне материнской любви:

...Мы стремглав бежим к самому дорогому существу на свете — нашей МАМЕ! Она обхватывает нас и прижимает к себе, обдавая нежным теплом, и сама плачет вместе с нами, уткнувшись, как щенята, в складки ее платья. <...> В описанной мною картине созерцаю Божественный свет. Теперь мне ясно открывается ее мистический смысл. Нам, близнецам, являлся тогда через родного человека Небесный Отец, и мы, духовные сироты, прикасались к Его простертым дланям, прижимаясь к материнским теплым рукам... Боже правый! Даруй Твоим крошечным созданиям, воззванным через родителей к бытию, отеческую и материнскую любовь; пусть малыши всегда видят бездонные материнские очи, чрез которые Ты, Христе Спасе, глядишь в их сердца и освещаешь детские души светом Своей радостотворной любви! (с. 14–15).

В этом фрагменте явлены не только основная интонация и словесно-изобразительная сторона произведения, но и закономерности

²⁸ *Владимиров А., прот.* С высоты птичьего полета. М., 2012. В дальнейшем цитаты из этой книги приводятся в тексте главы с указанием страниц в круглых скобках.

его сюжетно-композиционной структуры, внутренней архитектоники. По своему построению книга отца Артемия продолжает традицию повествовательной двуплановости, идущую от русской классики, например, от Л. Толстого. Эта двуплановость создается двумя повествовательными интенциями — к детализации и генерализации. С одной стороны, перед нами ситуация, событие, картинка, переданные через восприятие ребенка, как бы увиденные вновь, здесь и сейчас. С другой, наряду с этой живой конкретикой, присутствует обобщенный план — тот сегодняшний «взрослый» взгляд на происходящее, который обозначен уже самим заголовком и который прояснен автором специально в самом тексте книги:

Сейчас, с высоты птичьего полета осматривая прожитые годы, я останавливаюсь на одном совсем не примечательном событии, в котором, однако, склонен видеть точку отсчета и одновременно точку опоры всего своего бытия (с. 218).

Образ, используемый автором, — «с высоты птичьего полета» — несет в себе не только семантику возрастной дистанции, но и обозначает тот угол зрения, который задан абсолютной системой ценностей (поскольку «Христос всегда Один и Тот же») и которым в книге все измеряется. В этом смысле произведение А. Владимирова обладает основным качеством духовной прозы, а именно тем, что, как справедливо указывает Е. Долгова, «духовная проза не знает напряженности поиска решения проблемы идеала, так остро поставленной в творчестве великих русских писателей. Не очаровываясь идеалом гуманизма, она... уже являет идеал — икону Первообраза — Христа, и тогда трагедия воплощения идеала снимается, преобразуясь в богослужебный гимн»²⁹. Вместе с тем «богослужебный гимн» как семантико-интонационное ядро книги не исключает напряженности ее внутреннего психологического сюжета, организованного острым переживанием несовершенства человеческой души и острым же желанием ее «возрастания», приближения к высшим ценностям. В книге воссозданы самые первые этапы такого «возрастания». Переломным моментом становится смерть близкого человека — бабушки:

²⁹ Долгова Е. Духовная проза 1830–1870-х годов // Христианство и русская литература. Сб. 5. СПб., 2006. С. 138–139.

Не путем логических умозаключений, а устремлением сердца к родному и бесконечно дорогому человеку, ушедшему в мир иной, я прозрел духовно... Бабушка, некогда не сумевшая удержать мою руку на пороге приходского храма, в эту ночь ввела меня в нерукотворный храм веры, едва лишь сама вошла своей душою в вечность! (с. 199).

Вспоминается Толстой, «Детство» с его главой «Горе»... Вообще одна из особенностей произведения — его живая связь с русской классикой — органична в общем повествовательном контексте цитаты из Пушкина, Чехова, Толстого... Они не столько отсылают к филологическому образованию автора, сколько представляют «среду обитания» главных героев, их мир.

Книга отца Артемия (Владимирова) принадлежит к тем особенно редким (если не единичным!) сегодня явлениям литературы, которые восстанавливают в правах «украшенное» слово, слово эстетически выразительное, яркое, необычное. В. Крупин, восхищаясь талантом автора, замечает при этом, что «простота описания в “Высоте птичьего полета” такова, что даже и слова, и строчки не видятся, а только люди и события»³⁰. Мне кажется, с таким утверждением можно согласиться лишь отчасти. В том-то и дело, что и слова «видятся» в этом художественно выполненном тексте, они обретают эстетическую весомость (например, что значит одно только слово «радостотворный»!). Автор не боится «говорить красиво» о высоких вещах:

Оборачиваясь назад, я сознаю теперь, что Человеколюбец Христос, Небесный Сеятель, опустил в тот день Свой заступ на иссохшую землю самолюбивого мальчишеского сердца (с. 189).

Замечательный дар владения образным словом воздействует на читателя сильнее всяких аргументов. Можно предположить, что такого рода тексты создаются с опорой не только на русскую классику, но и на искусство проповеди. Проповедь наряду с красноречием, формируемым тремя качествами — «docere, delectare, movere» («учить, нравиться, трогать»), — требует от создателя, как указывал митрополит Антоний (Храповицкий), «единой цельной внутренней настроенности» духа человеческого, облагодатствованного

³⁰ Крупин В. Н. Вступление // Владимирова А., прот. С высоты птичьего полета. С. 7.

специальным даром в таинстве священства...»³¹ Поэтому произведение, подобное книге «С высоты птичьего полета», следует анализировать не только с помощью литературоведческих инструментов, но и опираясь на гомилетику — науку, изучающую законы построения проповеди³².

Любопытно, что автор в финале книги косвенным образом сам определяет специфику своего письма. Я имею в виду сцену, когда герой, не подготовленный исповедью и покаянием, подходит вместе с другими причащающимися прихожанами к чаше, слышит вопросительно-доброжелательное слово священника, обращенное к нему, и называет его «умилительным»:

Увидев, как другие сложили руки на груди крест-накрест, я сделал то же самое и медленно приблизился к священнику. Тот, подняв на меня взор, спросил: «Миленький, а ты исповедовался?» О, это чудное, умирительное слово! Благодарю Господа, что Он тогда вложил его в уста опытного пастыря, знатока душ человеческих! Это слово было так созвучно светлому чувству, которое поселилось у меня на сердце во время безмолвного предстояния алтарю (с. 216).

Мне кажется, что книга самого А. Владимирова написана тем «умилительным» словом, от которого современный читатель давно отвык, но в котором испытывает огромную потребность, равно как и потребность в обретении особого духовного состояния умиления, переживаемого героями книги. «Умиление выражает нечто сокровенное в вере и душе русского народа», — справедливо отмечает в своей статье известный исследователь Ф. М. Достоевского В. Н. Захаров³³. Трактую религиозный смысл этой категории, он опирается на значение слова, полно представленное в словаре В. И. Даля:

УМИЛЯТЬ, *умилить* кого, трогать нравственно, возбуждать нежные чувства, любовь, жалость. *Простосердечное радушие умиляет. Божьи дела умиляют человека.* <...> Умиление ср. действие умиляющего; состояние умиленного; чувство покойной, сладостной

³¹ См. об этом: *Архиеп. Аверкий (Таушев)* // Руководство по гомилетике «Азбука веры» : [православный интернет-портал]. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 12.05.2017).

³² См.: Там же.

³³ *Захаров В. Н.* Умиление как категория поэтики Достоевского // Теория традиции: христианство и русская словесность : коллект. моногр. Ижевск, 2009. С. 163.

жалости, смиренья, сокрушенья, душевного, радушного участия, доброжелательства. *Молиться в умилении. Созерцать что в умилении или с умилением, умиляясь. Милосердие есть умиление на деле*³⁴.

В этом эпизоде запечатлен не просто этап духовного пути персонажа, но и очень лично обозначено то, что «было желанной целью православного богослужения, молитвенного общения человека с Богом»³⁵.

* * *

«Счастливая жизнь мученика Александра»³⁶ — так называется повесть Ст. Минакова.

Эти записки складывались лет пять, вплоть до 65-летия Великой Победы. И если в нас, послевоенных, так война болит и не пресекается, то поколение наших отцов с нею сроднено навеки. Я начал эти письма 2 марта 2005 года, на 21-й день по смерти моего отца... Правильно ли начинать словно бы с конца — со смерти? Но смерть и есть начало жизни. Жизни вечной. Потому и святых поминают по дате кончины (с. 14–15).

Обозначены основные темы, организующие повествование: жизни и смерти, истории страны, войны и великой Победы, семьи, любви, памяти.

Сын пишет об отце. Рассказ начинается с самого страшного, что может быть в нашей жизни — с ухода любимого человека. Символично, что сообщает автору-повествователю эту новость его сын, названный в честь отца Александром: «Плохие новости... Твой отец умер...» Так явлена в конкретности факта тема преемственности.

Перед нами документальная проза. Эта книга оригинальна и по материалу, который становится объектом художественной рефлексии, и по уникальности опыта, которым автор делится с читателем. Она окрашена таким пронзительным лиризмом, настолько

³⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 4. С. 493.

³⁵ *Захаров В. Н.* Указ. соч. С. 164.

³⁶ *Минаков С. А.* Счастливая жизнь мученика Александра // Минаков С. А. У ограды Бела Града : ст., очерки, дневники, записки, стихи. Белгород, 2013. С. 14–76. В дальнейшем произведение в этой главе цитируется по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках.

исповедальна, что нужно находить особые слова и подходы для ее прочтения.

Ст. Минаков восстанавливает во всех подробностях первые дни переживания смерти отца. Мне не приходилось читать такого искреннего, детального и одновременно сдержанно-деликатного рассказа о том, как проходило прощание с близким человеком. В главках с говорящими названиями «Положение во гроб», «В церкви Воскрешения Лазаря», «Могилка», «Сороковины» восстановлена вся картина прощания и похорон. Такой опыт и приобщение к нему — это тоже «школа сокрушения», помогающая преодолеть страдание. Принять факт смерти близкого человека, смириться с этим очень непросто. В главке, посвященной отпеванию, говорится

...об изначальном значении слова «прощаться» — просить прощения и прощать. Разница меж словами «прощение» и «прощание» — в одну буковку. Кажется, совсем нет отличий у глаголов «прощать» и «прощаться». Я сказал отцу: «Прости меня, батя; а твоей вины ни в чем нет» (с. 34).

И здесь же — свидетельство «сокрушенного сердца», не ропщущего на Бога, забравшего отца, а, напротив, исполненного благодарности:

Это тоже свидетельство Божьего дара — такой отец. Такой отец бывает далеко не у всех, разве мы не знаем? Свидетельство Божьей любви ко мне — и столь длительный жизненный путь моего отца... Я даже подумываю, что отец сам (хотя, конечно же, не сам, ибо что вообще в нашей воле?) длил свое пребывание здесь — от великой любви и сострадания к жене, а также словно и для того, чтоб и я смог приготовиться к его правильной отправке в вечную жизнь, чтобы я успел... приобщиться к тому, к чему должно быть причастным православному человеку (с. 34).

Наряду с темой промыслительности каждого события в нашей жизни, а также щемящего прикосновения души к вечности, к самым основаниям бытия акцентируется тема смерти близкого человека как приуготовления к нашему собственному уходу из этого мира:

Лишая нас близких, Смерть тем самым словно приуготовляет к пониманию Вечности, все более обращает к ней лицом. С каждой родной кончиной происходит словно отрывание нас от земной жизни...

Латиняне сказали: человек умирает столько раз, сколько раз он теряет близких. Вот я и думаю, что смерти близких — это и есть такие отрывания жизни от нас, поскольку мы уж очень припеклись к ней, привязались к ближним своим. Вот нас последовательно и отрывают «от стенок» мира сего, дабы мы отвыкали. А потом — раз! — и наш собственный переход в другое. Вообще-то при правильной жизни человек должен с радостью смотреть своей смерти в лицо, ждать ее прихода — как спасения и избавления, как порога жизни лучшей, вечной. И вот слова Христа: «Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы». Христос нас учит судьбой Своей, что и за гробом — жизнь. Иными словами, смерти нет (с. 42).

Следует обязательно сказать о самом образе отца. Четко обозначена идея мученичества — подвижничества в миру как необходимого условия обретения подлинной радости — по-настоящему счастливой жизни. Речь идет о том, что от полученных ранений в годы войны отец ослеп, будучи совсем молодым человеком, и долгие годы — более 40 лет — прожил во «тьме крошечной»:

Слепой требует пристального внимания. Что зрячему пустяк, то слепому — проблема. Нельзя оставить приоткрытой дверь в комнату, нельзя забыть стул, вещь посреди комнаты, нужно подать-принести, помочь. Обычный человек вышел из дому и отправился в магазин или на работу. Отец сам не выходил, его нужно было сопровождать, к чему я, например, привык с детства. <...>

Я, как и мама, довел до автоматизма «внутренние знаки» совместного хождения с отцом. К примеру, при приближении к ступеньке однократно сжимал его ладонь, за которую держался. А когда подрос, слегка прижимал его ладонь уже локтем, под который он держал меня.

«Саша, посмотри!» — говорила мама, когда нужно было обратить внимание отца. Никаких «пощупай» я не припомню.

А Саша жил во «тьме крошечной». Напомню, что это одно из названий ада. Стоит ли спрашивать, легко ль ему было на земле (с. 36–37).

И при этом — ни раздражения, ни обид, ни озлобления.

В главе «Неделя о слепом» писатель, опираясь на евангельские и святоотеческие источники, пытается осмыслить судьбу отца в аспекте искупительного пути — это тоже «школа сокрушения» и для отца, и для близких его:

Прожив десятилетия рядом со слепым отцом, скажу, что еще более впечатляет нас попытка понимания страданий того, кто

оказывается — вдруг — лишенным такой благодати, самой возможности видеть мир. А ведь нам, зрячим, представить тягость этой чаши, пусть частично, можно — достаточно просто закрыть глаза на минуту. И попытаться пересечь хотя бы собственную комнату (с. 72).

Завершается книга эпизодом возвращения в родной город. Герой-повествователь — рядом с домом, в непосредственной близости от того места, где прошла военная молодость отца. Память и воображение хранят подробности ушедшей жизни:

Привет, Шурка! — говорю я этому дому. И, проходя мимо, обязательно касаюсь его камней. Сердце мое кровоточит, как разбитая пленка на отцовской голени. Здравый смысл говорит о том, что она зарастет, затянется кожей жизни. Но вакансии отца не может быть заполнена никем. Па, до встречи? (с. 76).

И это, по существу, музыкальное завершение темы, лейтмотивно проведенной через все повествование: «Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы... смерти нет» (с. 42).

Вопросы для размышления

1. Автобиографические повествования как ведущий жанр духовной прозы. Документальность. Сюжетика.
2. Ситуация переживания смерти близкого человека как этап становления «самостояния» личности, ее «духовного возрастания» в повестях отца Артемия (Владимирова) и Ст. Минакова.
3. Особенности повествования и стиля в повести «С высоты птичьего полета». Образность и принципы гомиластики.
4. «Умилительное слово» и умиление как духовное состояние в повести отца Артемия (Владимирова).
5. Тема подвижничества и смирения в повести Ст. Минакова «Счастливая жизнь мученика Александра».
6. Отцовство и сыновство как духовная проблема.
7. Испытание смертью и слепотой в повести Ст. Минакова.

2.4. Фрагменты: «Закорючки» П. Мамонова

Книга П. Мамонова «Закорючки», на первый взгляд, совсем иного рода³⁷. Сдержанный афористичный стиль письма, снижающие всякий пафос бытовые зарисовки... Название знаковое, отсылает нас к миру детства, к тому времени, когда мы делаем первые шаги нашей сознательной жизни. И это принципиально. Создавая книгу о пути к Богу, о душе, он не просто хорошо понимает, а очень лично переживает то, что, говоря словами Евангелия, «если не обратитесь и не будете как дети, то не войдете в Царство Небесное». Автор передает состояние сыновней беспомощности перед Отцом Небесным и абсолютной открытости, доверчивости по отношению к Нему:

Всю жизнь будет мотать. Это нормально. Я проще стал относиться. Я грешен, а Бог мой — благ. Вот и тянись к Нему всей своей тощей шейкой, как птенец тянется к червяку в клюве матери. Пташечки-голубушки, / ситцевые платица, / пропоют мне песенку, / солнышко закатится. / Распахну я руки на своем «бегу». / Не могу не прыгать, просто не могу! (из миниатюры «Радость», с. 32).

Чувство, с которым написана книга, хорошо проясняют размышления епископа Феофана Затворника:

...Премудрость зовет к себе безумных: «кто неразумен, обратись сюда» (Притч. 9: 4). Стало быть, умникам нет входа в дом Премудрости или в св. Церковь. Умность всякую надо отложить у самого входа в этот дом... Входя в церковь, оставь ум свой, и станешь истинно умным... Ах, когда бы мир уразумел премудрость эту!³⁸

П. Мамонов широко цитирует святых отцов. В миниатюре «Вера» — Григория Богослова: «Вера есть непытливое согласие» (с. 33), в «Себялюбии» — святителя Паисия Святогорца: «Когда ты выбрасываешь из себя свое “я”, в тебя бросается Христос» (с. 44), а в «Простоте» (показательно, что миниатюра с таким названием

³⁷ Мамонов П. Н. Закорючки : в 3 т. // Мамонов П. Н. Дураков нет. Тюмень, 2011. С. 24–74. В дальнейшем ссылки на это произведение даются в тексте главы с указанием страниц в круглых скобках.

³⁸ Феофан Затворник. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. М., 1991. С. 35.

есть и во втором и третьем томах!) приводит слова святого Амвросия Оптинского: «Где просто, там ангелов со сто; где мудрено — ни одного» (с. 56) и святителя Исаака Сирина: «Великая простота прекрасна» (с. 74). В книге показано это живое движение души от простоты естественной к простоте великой или совершенной, о которой писали святые отцы.

«Закорючки» написаны в жанре фрагмента, по законам малой художественной формы³⁹. Для этого жанра характерны предельная смысловая и пространственно-временная концентрация, ослабление фабульного начала и целая система минус-приемов, те «пропуски», которые и формируют из всякого рода недоговоренностей и отрывочности «плотность» текста, его семантический объем⁴⁰. Своеобразными центрами книги, словно собирающими вокруг себя зарисовки и впечатления, становятся емкие афоризмы самого автора:

Жить очень сложно. Очень мало любви и много одиночества. Долгих трудных часов, когда никого нет или вообще никто не нужен... Тогда протягивает руку Бог. Когда уже не ждешь и не можешь простить («Любовь», с. 40).

Нельзя подменять настоящее ловко сказанным; времени нет («Творчество», с. 49).

Нету чистой памяти. Всегда все завернуто в это мгновение («Воспоминания», с. 60).

Одному Богу известно, как бывает тяжело. Но Богу известно («Помощь», с. 65).

Среди афоризмов есть особые — парадоксально-метафорические:

Внимательно отнестись, каждое дело — снежинка: веточка, лучи, таинственный смысл («Снежинка», с. 59).

Ветер гонит пыль («Гонения», с. 71).

Утром вышел: снег, в поле охотник и собака прыгает. Присмотрелся... — две елочки («Мнение», с. 73).

³⁹ Понятие малой формы, фрагмента обосновывается в статьях Ю. Н. Тынянова о Ф. Тютчеве. См.: *Тынянов Ю. Н.* Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 38–51.

⁴⁰ См. об этом подробнее: *Тынянов Ю. Н.* Указ соч. ; *Капинос Е.* Малые формы поэзии и прозы (Бунин и другие). Новосибирск, 2012.

Есть и прямо выводящие читателя в бытовую, предметную сферу ежедневного человеческого существования:

Дед разговаривает с внуком. У деда нормальное лицо, и внук правильно показывает рукой вдаль («Отцы и дети», с. 68).

Этими афоризмами, выполняющими функцию семантических и композиционных узлов, не только акцентируются основной смысл и тон произведения, но и создается его ритмическая структура. Концентрация мысли такова, что содержание некоторых миниатюр уместается в одно слово: «Знание» (название миниатюры — «Тишина» (с. 66)); «Лень» — «Завтра» (с. 52); «Власть» — «Одиночество» (с. 59) и т. п. На фоне такого плотного текста ярче проступает поэзия тех фрагментов, в которых автор передает восхищение красотой Божьего мира. Один из замечательных примеров — миниатюра «Смирение»:

Иногда такое чувство, что Господь есть, и не надо ничего говорить, и Он совсем рядом: сидит со мной за письменным столом, смотрит, как я пишу; в автомобиле тоже.

Ехали с женой из Москвы в деревню. Вечером (уже подъезжали к дому) пришлось остановиться — великолепный закат справа по всем окнам. Жена осталась в машине, а я вышел, облокотился о крышу кабины и смотрел. Солнце село за груды клубящихся облаков, освещало их снизу, и лучи били во все стороны неба. Долго такое невозможно: хочется посторониться.

Так же в сердце. К каждому лично хоть раз в жизни приходил Бог. Высшая добродетель христианская — смирение. Ее никто, даже святые отцы, точно определить не может. Когда смотрел на закат, вдруг подумалось: вот так надо в сердце; надо дать место Богу, посторониться. Прекрасен был небосвод в ту минуту! Целиком заполнил меня; стою с краюшку, чуть не падаю, облокотился и смотрю.

...И про парус очень хорошо есть где-то: чтобы привлечь Духа утешителя, должна быть бешеная жажда, «алчба». Как повисший парус в штиль каждой складкой ждет ветра. Это и есть «...являет силу Свою в немощи». Не когда валяешься пьяный, а когда пустой весь, губы пересохли, и пульс в висках частый-частый. И весь, как парус, всей грудью, ждешь-ждешь-ждешь.

«Смирение — это риза Божества»

(преподобный Исаак Сирин) (с. 34).

Значение фрагмента подчеркивается нередко поэтическими вкраплениями, соединение «стихов и прозы остраивает и обостряет природу того и другого»⁴¹:

Хорошо, когда чудо приходит ночью. Накануне праздника Воздвижения Креста получился счастливый денек. Просто и без злобы разговаривал с женой, потерпел, сколько мог, головную боль (вечером принял таблетку, и все прошло). Настроились кинцо посмотреть хорошее, и вдруг — бац — машина с дровами. Раньше договорились меж собой, что будем брать у лесника — вдвое дешевле, а тут: на тебе! Как с горки покати́лась вся гадость, «как она могла без меня», «я хозяин», «меня тут ни в грош не ставят» и т. д. Выскочил как ошпаренный под луну в поле, включил ум, попросил у Бога отогнать мерзость. И, главное, помолился горячо Кресту Господню. В дом пошел — все бурлит, но потише. Нажимаю телевизор, и наш любимый священник рассказывает, как позавчера человека невинного осудили на 12 лет тюрьмы. Момента́льно стыдно стало, и вся гадкая накипь командирства соскочила. Пошел к жене, поцеловал в лоб, вместе досмотрели передачу.

А поздно ночью светила луна, горел фонарик на терраске, и пронеслось ветерком:

Ночное

Как удивительно мне это все ночное:
Луна, дорожка ломкая на крыше жестяной.
Все непонятное и все-таки родное
живет, и спит, и царствует со мной

(«Любоначалие», с. 37–38).

Темы включенных в книгу фрагментов различны: от самых высоких — «Святой Дух», «Божий мир», «Причастие», «Храм» и т. д. — до бытовых, повседневных — «Волосы», «Мышь», «Муха», «Персики», «Лень», «Комфорт» и проч. Поводы для размышлений, на первый взгляд, могут показаться случайными, спонтанными, прямо не связанными друг с другом. Однако среди как будто совсем свободного разнообразия есть фрагменты с повторяющимися названиями. Их восемь, и они имеют характер вариаций. Мы встречаемся с эффектом тематического возврата, а «возврат всякий раз меняет качество темы, и даже если она точно повторена... то ее переживание

⁴¹ Капинос Е. Указ. соч. С. 8.

будет новым»⁴². Более того, повторенные дважды среди многих других, эти заголовки, по существу, прочерчивают символический сюжет книги: «Гонения» — «Смирение» — «Совесть» — «Простота» — «Счастье» — «Надежда» — «Радость» — «Христос». Словно обозначаются основные константы и вехи духовного пути человека. А пуантированный финал, продиктованный законами жанра малой формы, не только дает эффект возрастания смысла, но и усиливает степень соотнесенности отдельных составляющих в произведении. Так, первый том завершается фрагментом «Благая весть», включающим цитату из Евангелия от Луки, второй том — миниатюрой «Красота», а третий — фрагментом «Христос», в котором цитируется отец Дмитрий Смирнов (его определение христианства из проповедей), а также святитель Макарий Египетский: «Ни на небе, ни на земле я не встречал ничего более прекрасного, чем душа человеческая» (с. 74).

Завершая так серьезно и высоко каждый свой том, П. Мамонов подчеркивает самое главное — стремление показать, как душа человеческая, пробужденная Благой вестью к подлинной духовной жизни, преображается, постигая в самых неожиданных вещах и обстоятельствах Красоту Христовой Истины.

Вопросы для размышления

1. Смысл названия книги фрагментов П. Мамонова «Закорючки».
2. Фрагментарность повествования и проблема целостности в книге.
3. Основные темы и вариативность их развертывания в тексте. Музыкальность композиции.
4. Как достигается и «работает» в книге П. Мамонова эффект острения?
5. Евангельская и святоотеческая составляющая: функции и смыслы.
6. Герой-повествователь: возможность реконструкции.

⁴² Капинос Е. Указ. соч. С. 7.

2.5. Библейский роман: «Сладкие весенние баккуроты. Великий понедельник» Ю. Вяземского

Юрий Вяземский — телеведущий, писатель, профессор МГИМО, человек, известный благодаря своей публичной просветительской деятельности, приступил к осуществлению, на мой взгляд, беспрецедентного по своей смелости, масштабности и сложности проекта. Он задумал создать цикл романов о Страстной седмице, о последних земных днях и страданиях Христа. Первая часть этого цикла — «Сладкие весенние баккуроты. Великий понедельник», жанрово обозначенная автором как «роман-искушение»⁴³.

Замысел романа и его необычный заголовок связаны с булгаковским «Мастером и Маргаритой». Пилат Булгакова читает в записях Левия Матвея странную и волнующую своей загадочностью фразу: «Смерти нет... вчера мы ели сладкие весенние баккуроты». Как оказалось, «на некоторых смоковницах, иначе говоря, фигах, появляются беленькие маленькие фиги-скороспелки, которые люди весной срывают и употребляют в пищу. Вот эти скороспелки, которые еще не стали собственно фигами... смоквами, — они-то как раз баккуротами и называются. Это действительно сладкие весенние баккуроты. Но на той проклятой смоковнице не было даже этих плодов»⁴⁴. В контексте целого заголовка, безусловно, воспринимается символически, а подчеркнутая автором связь с булгаковским романом непосредственно включает произведение Вяземского в ту традицию мировой художественной литературы, когда евангельский текст становится сюжетообразующим и определяет жанровую специфику. Сам писатель говорит о влиянии Булгакова на свое творчество, хотя и полагает, что «Мастер и Маргарита» — сочинение «чудовищно антиевангельское»⁴⁵.

⁴³ Вяземский Ю. Сладкие весенние баккуроты. Великий понедельник. М., 2008. В дальнейшем ссылки на это издание в данной главе даются с указанием страниц в круглых скобках. Продолжение: Вяземский Ю. Сладкие весенние баккуроты. Трудный вторник. Детство Понтия Пилата. М., 2010; Вяземский Ю. Сладкие весенние баккуроты. Трудный вторник. Бедный попугай, или Юность Пилата. М., 2012; Вяземский Ю. Сладкие весенние баккуроты. Трудный вторник. Великий любовник. Юность Понтия Пилата. М., 2013.

⁴⁴ Вяземский Ю. Художник и тайна // Фома. 2008. № 2. С. 20.

⁴⁵ Там же. С. 18.

Этот роман — лишь «начало большого пути», и потому можно говорить, наверное, лишь о первых впечатлениях, время обобщающих суждений и обстоятельных интерпретаций еще впереди. Однако не может не вызывать уважения авторское стремление, о котором он говорит в интервью, — «прикоснуться к Тайне» — и одновременно позиция, не очень популярная в интеллигентской среде сегодня (как, впрочем, и во все времена), последовательного благочестия и смирения: «Вслед за любимым апостолом, за Иоанном, я боюсь строить в повествовании собственную концепцию Божества, я не чувствую за собой права на это»⁴⁶. Когда на сцену текста выходит Христос, он произносит только те слова, которые есть в Евангелии. При этом, забегая вперед, замечу, что автору при всей его ортодоксальности удастся, используя возможности художественного слова, избежать догматизма и дидактизма. Ю. Вяземский откровенен в своих сомнениях, и это тоже свидетельствует в его пользу:

Я вообще не знаю, могу ли не ошибиться, пытаюсь пройти этот путь... Я не могу быть уверен даже, нужна ли эта череда новых романов о Евангелии. Но мне хочется надеяться, что если этот труд — роковая ошибка, то Бог не даст мне ее совершить⁴⁷.

Среди откликнувшихся на этот роман — писатели А. Варламов и С. Лукьяненко, критик И. Роднянская, переводчик Н. Трауберг и др. Эти отклики, безусловно, важны как первые подступы к интерпретации этого непростого текста, они содержат целый ряд верных замечаний и наблюдений. Основной их пафос, на мой взгляд, можно выразить заключительной фразой Натальи Трауберг: «Вообще писателям не худо бы помнить слова Аслана из Льюисовских “Хроники Нарнии”: “Я — не ручной лев”. Писать о Христе — это рискованно. Но иногда этот риск бывает оправданным»⁴⁸.

Однако вернемся к жанровой номинации — «роман-искушение». Автор сам пытается прояснить смысл такого отчасти метафорического обозначения своего сочинения:

⁴⁶ Вяземский Ю. Художник и тайна. С. 30.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Трауберг Н. Вход в евангельское пространство // Фома. 2008. № 2. С. 31.

...Когда люди говорят о том, что искусство произошло от слова «искушать», я с ними абсолютно согласен, потому и мой роман называется прямо: роман-искушение. Искушение не только своего читателя, но прежде всего самого себя, потому что, если ты не искушаешься, ты не художник, ты не писатель. Но вот в вопросе о цели этого искушения среди художников нет единства. Для меня она в том, чтобы, пройдя через искушения, познать себя и, по возможности, очистить душу. Сейчас со мной, вероятно, не согласится подавляющее большинство моих коллег по художественному цеху, но я убежден, что искусство по-прежнему существует для той цели, которую сформулировал еще Данте: для того, чтобы через ад и чистилище провести людей к свету... к Богу. Об этом писал Достоевский, считавший творчество попыткой, разгадывая тайну человека, прийти к истинной Красоте — Красоте Христовой⁴⁹.

Ю. Вяземский не случайно вспоминает Достоевского — его роман и в содержательном, и в жанровом отношении устремлен к постижению именно этой Красоты, которая «мир спасет» и о которой так напряженно размышляют герои «Идиота» и «Братьев Карамазовых». Любопытно, что роман начинается разговорами апостолов о Красоте и завершается вновь возвращением к этой теме. Композиция носит отчасти кольцевой характер. В предпоследней главе мы даже видим попытку автора символически, пронзительно, а также и единственно возможным образом, если иметь в виду пафос произведения, завершить тему красоты. Апостол Иоанн, обращаясь к Филиппу, который на протяжении всего романа занят теоретическими построениями в духе Платона и пространно рассуждает о природе подлинной красоты, задает один из ключевых вопросов романа:

Неужели эти выдуманные теории тебе дороже той живой и прекрасной Тайны, рядом с которой ты живешь и которую даже не чувствуешь? (с. 395).

Этот вопрос прорастает в тексте многими смыслами и формирует сложное сюжетное и речевое единство произведения. Каково это — жить рядом с Тайной? И что такое эта Тайна для нас сегодняшних? Пытаясь разобраться, Вяземский в полной мере опирается на возможности романной формы — самой неканонической

⁴⁹ Вяземский Ю. Художник и тайна. С. 22.

из неканонических форм. Текст, который он создает, синкретичен по своей жанровой природе, он выстраивается многими содержательными составляющими — исторической и бытоописательной, социально-психологической, религиозно-философской, сатирической, идеологической, политической и даже авантюрной и т. п. В самом деле, перед нами роман о библейских временах, и ветхозаветный мир, в который уже пришло Новое Слово, воссоздан совершенно замечательно, с блестящим знанием подробностей самого разного рода. Надо сказать, что повествование ведется подчеркнуто неспешно и постоянно тормозится за счет деталей, которые создают особый неповторимый колорит эпохи. Эта неспешность поначалу может раздражать современного вечно бегущего по жизни человека, но в какой-то момент отчетливо осознаешь, что и не должно быть никакой суеты и торопливости — необходимо пристально взглянуть в каждый предмет и вслушаться в каждое слово из той эпохи. Те времена максимально приближены к нам. Возникает ощущение живой реальности, возвращенной нам автором благодаря его знаниям. В связи с этим текстом вспоминается библейская повесть святителя Игнатия (Брянчанинова) «Иосиф», воссоздающая историю известного ветхозаветного персонажа Иосифа Прекрасного, преданного своими братьями и простившего их. Рассказывая сдержанным констатирующим тоном о перипетиях судьбы своего героя, автор будто снова и снова вглядывается в библейский текст, постоянно ссылаясь на него. Безусловно, для автора была важна здесь концепция героя, отражающая христианский идеал личности. Но не менее важным и интересным оказалось то, что Брянчанинов стремился в этой повести самым ее стилем, характером образности воссоздать дух и обаяние не только библейского текста, но и той давней библейской эпохи, когда мир стоял у истоков своего существования, и от этого подлинные основания человеческого бытия были более зримы, более ощутимы, чем в современную культурную эпоху. Словно следуя Моисею, Брянчанинов создает особую атмосферу реальности, ощутимости происходящего, переносит внимательного читателя в отдаленную священную древность⁵⁰. Речь

⁵⁰ См. об этом: *Пращерук Н. В.* Пастырь и художник: о духовной прозе свт. Игнатия (Брянчанинова) // Проблемы исторической поэтики. Вып. 10. Петрозаводск, 2012. С. 59–66.

идет при этом не просто о знании библейской истории, а именно об ощущении ее, о прикосновении к ней — о проживании ее в собственном мире, в собственной душе. Отсюда высказывания, столь точно выражающие суть общения автора с библейским текстом:

Кто погружается часто в созерцание библейских сказаний, тот непременно ощутит в душе своей особенное странное впечатление. Это впечатление состоит в обонянии какой-то свежести, молодости, как бы от дыхания воздухом прекрасного летнего утра. Душа юнеет от пристальных взоров на юность мира, от беседы с юным миром, ее силы... укрепляются, как дух старца оживает среди общества детей. Приятно насладиться свежестью юного мира, *отдохнуть в ней* от впечатлений современного, дряхлого, рассыпающегося (курсив мой. — Н. П.)⁵¹.

Здесь достигается сходный эффект, и поразительно, что при всем очевидном трагизме основного сюжета возникает ощущение радости от приобщения к тому моменту человеческой истории, когда мир стоял у истоков своего существования.

Ветхозаветная тема совершенно блестяще выстраивается иудейским и римским сюжетами. Мы узнаем саддукеев, любящих роскошь:

Господин же обращал на себя внимание своим одеянием. Плечи его покрывала дорогая пурпуровая мантия, но не темно-красная, а фиолетовая с красноватым отливом. Мантия была широкой и такой длинной, что накрывала обувь и касалась земли. Сшита она была из одного куска и из такой мягкой ткани, что до нее хотелось дотронуться, дабы кончиками пальцев ощутить эту ласкающую мягкость и оценить изысканную роскошь (с. 26).

Или:

Это был человек лет шестидесяти. На голове у него был сделанный из белого платка тюрбан. Мантия тоже была белой, похожей на ефуд левитов. Но это был не ефуд, а талиф, обшитый каймой и голубой лентой. Материал дорогой, но не броский. И сделан был плащ из цельного куска, а не сшит из двух. Хитон из-под него не выглядывал даже при ходьбе. Тефеллинов этот человек не носил. Но кисти были накручены по всем правилам: четыре нити проходили через четыре угла верхней одежды и сходились в восемь; одна кисть была длиннее остальных,

⁵¹ Свт. Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 40.

и можно было поспорить, что она семь раз обмотана вокруг остальных нитей, а потом — еще восемь раз, а затем — одиннадцать и после — тринадцать — по требованиям Закона и как символ пяти священных книг (с. 28).

Ярко и колоритно представлены библейские женщины — Марфа и Мария. С множеством запоминающихся подробностей описаны в романе и римляне. Подчеркнутая вещественность, предметность портретов, интерьера, пейзажа воспринимается как знак «плотскости», избыточной телесности ветхозаветной эпохи.

Мы попадаем в романе на собрание фарисеев, становимся свидетелями их обсуждений личности и поведения Христа. Этот фрагмент вызвал особенно резкие оценки — «какой-то Лео Таксиль навыворот»⁵². Он сделан как пародия на партийное собрание большевиков или уже советских партработников, которые и изъясняются между собой соответствующим языком. Мне представляется (здесь можно согласиться с Лукьяненко и Варламовым, отметившим эти сцены как удачные), что, во-первых, автор не нарушил исторической и социальной правды, изобразив их такими, а, во-вторых, и это, может быть, даже важнее — благодаря такого рода эпизодам мы оказываемся, если опираться на теорию романа Бахтина и использовать его терминологию, в «зонах максимально близкого контакта» или «фамильярного контакта» автора и читателя с далеким библейским прошлым и его героями. Тем самым автор разрушает временную дистанцию и трактует библейскую эпоху не как абсолютное прошлое, а как «длящееся настоящее», как часть «незавершенного настоящего» — движения истории, не законченного для нас и открытого в не известное нам будущее⁵³.

«Незавершенное настоящее» как основа романного хронотопа «Великого понедельника» связано также с его, как отмечают критики, «нарочитым интеллектуализмом», с диалогами, которые составили немаловажную часть произведения. Это споры и разговоры апостолов, многие из которых являются носителями

⁵² Роднянская И. «Вечно новая» Книга: стимулы к пересочинению // Фома. 2008. № 2. С. 25.

⁵³ См. об этом: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975 ; Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. М., 2004. Т. 1. С. 378.

параллельных учению Христа религиозных доктрин: «Филипп — гностик, Нафанаил — буддист, Фаддей — зороастриец» и т. п. (с. 25). Диалоги апостолов не понравились критикам даже больше, чем «злокозненное собрание фарисеев, переодетое в тайное заседание ЦК партии большевиков» (Там же).

Однако мне кажется, что, столь широко вводя такой материал, писатель сознательно расширяет те самые «зоны максимально близкого контакта» читателя с героями, которые позволяют преодолевать временные и пространственные барьеры. Входя в сферу философского интеллектуального романа, мы все больше ощущаем себя причастными к этому кругу «спорящих, сомневающих и борющихся людей. Среди них были и состоявшиеся, и отвергнувшие Христа, и “просмотревшие” Его в суете сует» (с. 391). Об этом очень хорошо говорит в финале Иоанн:

Три года за ним ходим, но каждый идет в свою сторону... Слушаем и не слышим. И чем больше Он нам рассказывает, тем меньше мы понимаем. И говорим, говорим, объясняя друг другу то, что не поняли, чтобы еще сильнее друг друга запутать. И каждый уверен в своей правоте (с. 395).

Красноречива здесь форма «мы» как знак включенности каждого из нас, сегодняшних, в ситуацию «хождения за истиной» («Ходите, пока есть свет...») или, по крайней мере, такой возможности. При этом образ Христа, напротив, дается дистанцированно, как подчеркнуто «далевой образ» с явной опорой на традицию эпического (а точнее — эпопейного) повествования, что означает, конечно, не просто отдаленность во времени, а абсолютность, недосягаемость в ценностном отношении.

Следовательно, в «Сладких весенних баккуротах» мы встречаем именно то романное разноречие, которое, по М. М. Бахтину, является исходной точкой в определении специфики жанра. Это качество, сообщающее произведению смысловую объемность, помогает автору избежать столь частой в такого рода сочинениях назидательности. Писатель, на мой взгляд, убедительно демонстрирует тот факт, что можно последовательно опираться на церковную традицию толкования Священного Писания и не быть при этом скучным и несовременным. В контексте тех процессов в современной литературе, которые названы мною в одной из работ

«детективизацией»⁵⁴, такие произведения очень важны и, хочется верить, симптоматичны. В отличие от детективов разного рода, предлагающих нам загадки и тайны в виде кодов и шарад, в романе Ю. Вяземского Тайне возвращается ее онтологический статус.

Вопросы для размышления

1. Смысл заголовка и оригинальность жанровой номинации романа Ю. Вяземского.
2. Авторская стратегия в романе.
3. Тема красоты в романе «Сладкие весенние баккуроты». Переключки с Ф. М. Достоевским.
4. Ситуация «хождения за истиной» в романе.
5. Онтологический статус тайны.
6. Как воссоздается в романе библейская эпоха?
7. Стилиевые стратегии: интеллектуализм и описательность.

⁵⁴ *Пращерук Н. В.* «Детективизация» современной прозы: к вопросу об онтологии процесса // *Культ-товары : Феномен массовой литературы в современной России.* СПб., 2009. С. 181–186.

Глава 3

АСКЕТИЧЕСКАЯ ПРОЗА Е. ДОМБРОВСКОЙ

3.1. Опыт «очищения сердца» в святоотеческом понимании: повесть «Весна души. Страницы рабы Божией Анны»

Автор книги Екатерина Домбровская — москвичка, выпускница журфака МГУ, прозаик, эссеист. Кроме названного произведения, ею написано множество рассказов и статей по проблемам русской культуры, а также два других объемных текста: «Воздыхания окованных. Русская сага»¹ и «Путь открылся... Чехов»². Эти книги практически не известны широкому читателю. А между тем, без преувеличения это вещи уникальные, поскольку при высоком уровне владения образным словом автор очень последовательно, с опорой на святоотеческую традицию придерживается четкого критерия, разграничивающего душевный и духовный опыт³. И пишет именно о духовном опыте и духовном возрастании. Так, в прологе к книге о дьяконе Тимофее, постигающем природу чеховского феномена, прямо говорится об этом: «Православная традиция различает

¹ Речь об этом произведении пойдет в заключительном параграфе главы.

² Домбровская Е. Весна души : Страницы жизни рабы Божией Анны. М., 2016. Далее в этой главе произведение цитируется по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках. Домбровская Е. Воздыхания окованных : Русская сага. Онтарио, 2012 ; Домбровская Е. Путь открылся... Чехов // Проза.ру [сайт]. URL: www.Proza.ru (дата обращения: 05.04.2015).

³ «По учению Апостола Павла, духовный человек четко отличается от человека душевного. Духовным является тот человек, который имеет в себе действие Святого Духа, тогда как душевным человеком является тот, у кого есть душа и тело, но кто не стяжал Святого Духа, дающего жизнь душе. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нём судить никто не может (1Кор. 2 : 14—15)». Цит. по: Митрополит Иерофей (Влахос). Православная духовность. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. С. 9).

состояние человека “душевного”, еще земного, естественного, и состояние человека “духовного” — преображенного на пути возрастания души в исполнении вышеестественных Заповедей Христовых; человека, освященного энергиями Духа Святого»⁴. Задача немислимой сложности и тонкости. И автор каждый шаг, каждое движение души своих персонажей сверяет с учением Церкви, с православной аскетикой. В аннотации к повести «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны», о которой пойдет речь ниже, Е. Домбровская замечает:

Эта книга и есть попытка погружения в глубины сердечной жизни человека, который, услышав зов Божий, пришел в Церковь, где Господь благословил ему нелестного наставника, о котором можно было бы сказать, что вот он — «един из древних» (с. 2).

Перед нами редкое произведение в современной светской литературе, являющее открытую аскетику в живом опыте самого обычного человека.

Основой повествования стал рассказ о том, как образованная москвичка, журналист и писатель, после смерти сына принимает на 20 лет добровольное послушание при монастыре. Один из подзаголовков частей внутри глав может быть воспринят как ключ к прочтению книги — «В школе сокрушения», поскольку для героини, как, впрочем, для каждого христианина так важно обрести состояние сокрушенного сердца. Произведение построено таким образом, что бытовая сторона жизни Анны, мир семейных и социальных отношений если и не отодвинуты на второй план, то даются в аспекте ее духовного пути.

Книга имеет автобиографическую основу, но писатель не акцентирует это, а, напротив, вводит повествователя, рассказывающего историю другого человека — Анны, оставившей свои дневники. Такое «осложнение» повествовательной структуры немаловажно, оно наряду с другими аспектами формы призвано донести до нас тему слова, услышанного другим (сравните, как в «Братьях Карамазовых» поучения старца Зосимы даются в изложении Алеши). Слово услышано, принято сердечно. Так отчасти преодолевается ограниченность субъективного опыта:

⁴ Домбровская Е. Путь открылся... Чехов.

Оставляю Вам, сестра, свои записки — это не последовательные дневники, тут все перемешано: и подготовки к исповедям, и попытки распутать узлы межчеловеческих отношений в духе Христовой Правды, а не мирского плотского мудрования, тут рядом и мои выписки из святоотеческих книг, которыми я спасалась в самые трудные времена. Но сквозь весь этот хаос дорога, которой вел меня, грешную и немощную, Бог, все-таки просматривается, а потому я надеюсь, что и другим эти записки смогут пригодиться. <...> Прошу Вас: не стесняйтесь что-то дописать или оставить за скобками — мы ведь из одного духовного гнезда вылетели... (с. 33).

Первая глава завершается репликой от повествователя, проясняющей структуру произведения:

Оказалось, что рассказ в хронологическом порядке выстроить не получится: во многих тетрадах Анна даже не проставляла даты. И все же внутренняя логика и смысл событий на этих пестрых и, на первый взгляд, разрозненных страницах высвечивались достаточно ярко и мощно (с. 35).

Логику развертывания смысла можно проследить уже в заголовках частей, составивших книгу. Основное повествование начинается главами «Я видел монахов» и «А почему нам должно быть хорошо?», а завершается «Аще забуду тебе, Иерусалиме...», названной строчкой 136-го псалма. Это символично — словно обозначены начало духовных исканий и их итог. Символичны и другие названия, по ним нетрудно угадываются основные вехи пути, ведущего к обретению духовной родины: «Смиряйтесь, девочки», «Обруган, высмеян, испытан», «Явления ангелов», «Христос никогда не отдыхает», «Оливковый пресс», «Вино умиления», «Любить с креста», «Не сообразуйтесь с веком сим», «Между страхом и надеждой»... Можно говорить о целом заголовочном ансамбле книги, который является очень значимой ее составляющей — и не только формальной. Это настоящий путеводитель по удивительному миру этой непростой книги. Путеводитель, определяющий угол духовного зрения, открывающий возможности сокровенного постижения того, что святые отцы именуют трудом над внутренним человеком, тайной поэтапного, пошагового очищения сердца. Закономерно поэтому, что каждый заголовок, чаще всего символической или же сложно-ассоциативной природы, как будто проходит своеобразную увлекательнейшую для читателя

процедуру «раскодирования» — поясняется яркими и своеобразными «расшифровками». Например, глава «Любить с креста» расшифровывается так: *Лето под соснами. 33-й километр. Укнут в сердце огонек... «Юбочницы» и фарисеи. Наука игуменьи Арсении.* Очевидно, что в этих пояснениях не только заключена облегчающая нам чтение логически-информативная подсказка, но и обозначено многое другое, относящееся и к тому, о чем будет рассказано дальше, и к смысловому объему всего произведения в целом, и к тому, как автор работает со словом и каковы стилевые и образные возможности его письма. В частности, указанный пример «расшифровки» подобрал поэтическое именование хронотопа и наиконкретнейшую констатацию места, метафору мига обретенной сердечной радости, возвращающей нам, между прочим, дорогое забытое слово, и намек на персонажный человеческий конфликт, имеющий вместе с тем духовную подоплеку. В финале — прямая обращенность к святоотеческому наследию. Драгоценные россыпи смыслов, заключенных в книге и раскрывающихся перед внимательным читателем во всех их поучительно-сердечных глубинах!

Следует особо отметить и такую роскошную часть заголовочного ансамбля, как эпиграфы, взятые автором из святоотеческих трудов. Они не просто обобщают-синтезируют смыслы рассказываемого, но возводят их на новую духовную высоту и, по существу, выполняют роль словесной иконы (это определение особого жанра и особой функции литературного текста, кстати, использует Владыка, когда дает послушание героине написать «Словарь христианских понятий» — см. об этом дальше). А главы — это своего рода клейма на иконе.

В новом издании есть еще и посвящение: «Светлой памяти архиепископа Алексия (Фролова) (1947–2013)». Этим посвящением, как мне кажется, обозначено самое главное в этой книге — ее духовная высота, сердечный центр, масштабность авторской задачи и мера ответственности за написанное.

* * *

Е. Домбровская, следуя за героиней, принципиально отделяет свою позицию от широко распространившейся, по ее мнению, в церковной прозе и публицистике «розовой воды» — интерпретаций пути православного человека, несколько прекраснотушных,

преуменьшающих трудности и опасности искушений всякого рода, а также во многом не разграничивающих душевные и духовные аспекты этого пути. В отличие от такого подхода, Е. Домбровская с самого начала не скрывает трудности, которые приходится преодолевать христианину:

Разумеется, и старец учил христовой любви, постоянно говорил о ней в своих проповедях, можно даже сказать, требовал от чад, но все-таки дух его аскетической школы чуть-чуть, едва заметную малость смещал акцент в сторону суровости и некоторой непреклонности и в требованиях к самому себе, и к своим ученикам. Впрочем, и эта требовательность была ничем иным, как проявлением предельной немалодушной Небесной высоты любви, о которой когда-то гениально сказал в своем Слове на Великий Пяток святитель Московский Филарет (Дроздов):

«Христианин! Пусть тьма покрывает землю! Пусть мрак на языки! Восстань от страха и недоумений! Светись верою и надеждою! Сквозь тьму приходит свет твой (Ис. 60 : 1, 2). Пройди путем, который открывает тебе раздирающаяся завеса таинств; вниди во внутреннее Святилище страданий Иисусовых, оставя за собою внешний двор, отданный языкам на поправление.

Что там? — Ничего, кроме святой и блаженной любви Отца, и Сына, и Святого Духа к грешному и окаянному роду человеческому.

Любовь Отца — распинающая.

Любовь Сына — распинаемая.

Любовь Духа — торжествующая силою крестною.

Тако возлюби Бог мир!»

Любовь Духовника была распинающая. Он нес истинную Правду Креста. И недаром в его келье Анна, которую он однажды ввел туда на исповедь, увидела на столике только что изданные тогда «Слова и речи» святителя Филарета со многими в них закладками (с. 38–39).

Строгость — спасение от «суррогатной душевности» и залог подлинности обретенного — реального преображения души человеческой от «образа» к «подобию». Такая проблематика практически не ставится в современной беллетристике. И потому среди православной прозы сегодня достаточно «облегченных» текстов, которые, как мне кажется, уплощают сложность духовной проблематики и не раскрывают во всей непредвзятой глубине испытания, встающие перед христианином.

В данном случае автор показывает как раз трудность евангельского «узкого пути», обойти который нередко пытаются

современные церковные люди. Тогда и радость обретенная — совсем иной цены. «Весна души» — очень правдивая книга, жесткая, но потому и выполняющая в полной мере функцию духовной литературы — врачевания наших душ:

Горе тем, кто проповедует не так, как Священное Предание и святые отцы церкви учат, кто упрощает в угоду плоти и собственному самолюбию Евангелие, кто утверждает, что один путь — строгий крестonosный евангельский путь — для монахов, а другой путь — для мирян-христиан⁵. В то время как все отцы православия, все жития святых и подвижников благочестия свидетельствуют, кем бы они ни были в миру, что путь — один, а только образ жизни разный, что каждый христианин — инок по определению, что нет христианина не подвижника, разумеется, в меру природных сил и возможностей (с. 62–63).

Концептуально-методологической подсказкой читателю в его осознании всей масштабности и новизны представленного в книге опыта становится четкое разделение автором двух традиций духовного письма. Речь идет о том, что житийный канон, определяющий особый ракурс повествования о святых, практически вытеснил из нашего сознания традицию аскетических опытов (практик), поэтапно описывающих труд очищения сердца, «возделывание внутреннего человека». Тексты эти

...были труднодоступны и постепенно вытеснялись житийным этикетом, в котором присутствовало довольно схематичное перечисление нередко нелепых внешних подвигов — постов, вериг, огромных вычитываемых молитвословий и т. п. и крайне редко обращалось внимание на внутреннюю брань человека с кишасими в сердце страстями и помыслами. Так «умное делание» — возделывание своего внутреннего человека — постепенно уходило из широкой практики... (с. 391).

Далее автор указывает и на то, что

...молдавский старец преподобный Паисий Величковский положил начало возвращению «умного делания», от него — по ученикам

⁵ «В православной традиции не существует разделения между монахами и мирянами — в том смысле, что все должны в жизни следовать заповедям Христовым. Различается просто место несения подвига и его мера, в то время как цель одна и та же. Мы все призваны возрасти от состояния “по образу Божию” к состоянию “по подобию”» (*Митрополит Иерофей (Влахос)*. Православная духовность. С. 124).

его — ожившая наука из наук — «живая аскетика» — начала расходитья по отдельным монастырям и подвижникам. Однако народ церковный, «белое» священство и даже большинство монастырей все дальше уходили от великой древней аскетической практики. И потом еще удивлялись, что воспитанные на подобных «этикетных» жизнеописаниях молодые подвижники, как правило, заболели «ревностью не по разуму», и наставникам их приходилось то и дело стаскивать их с «неба» за ноги, чтобы научились прежде главному: терпению, смирению, послушанию — всему тому, чему без внутреннего делания научиться невозможно (с. 392).

Книга «Весна души» — редчайшая возможность для читателя приобщиться к почти пресекавшейся традиции. Автор предлагает нам пройти путь исцеления души как путь сокрушения вместе с Анной, стать сердечным ее сотаинником. И это действительно уникальный опыт, которому, скорее всего, нет аналогов в современной литературе. Нам явлена духовная реальность в ее глубине и динамике, в безошибочно угадываемых сердцем знаках — и она не только определяет все существование героини, но и сокровенным образом сказывается на читателе.

* * *

Если говорить о способах развертывания этой реальности в тексте, то очевидна, как, впрочем, во всех произведениях писателя, ее укорененность в традициях русской классики, в частности, опора на толстовскую диалектику души, которая вовсе и не так далека от аскетической практики самопознания, именуемой святыми отцами «трезвением»⁶.

Скрупулезно, шаг за шагом, строго и трезво судя себя, героиня разбирается в своих переживаниях, состояниях, движениях души. Уже с самых первых глав на наших глазах разворачивается поучительная картина жизни, а, точнее, брани с самим собой внутреннего человека — бесстрашного и предельно искреннего испытания себя, которое, конечно, предполагает жесткий, нелицемерный самоанализ

⁶ «Духовное бдение, постоянное внимание к тому, чтобы помысел не покинул рассудок и не вошел в сердце. В сердце должен находиться именно ум, а не помыслы. Это духовное бдение и называется трезвением» (*Митрополит Иерофей (Влахос)*. Православная духовность. С. 132).

без малейшего приукрашивания и сантиментов (а это немислимо трудно, так как привычные всем самооправдания здесь запрещены).

Автор пишет, как, например, поступает Анна в самом начале пути, постигая азы непомерно сложной науки восхождения к смирению и подавлявая себя на тщеславном помысле:

Итак, перед Анной стояла задача — смиряться и смиряться, кровь из носу. И она пыталась делать все, что только могла и не могла. В первый год, едва познакомившись с несколькими монахинями, благоговей перед их чином и себя смиряя, она бросилась завязывать шнурки на ботинках, когда они развязались у одной из матушек. Правда, спасибо никто не сказал, а себя Анна подловила на тщеславном помысле, словно ей кто-то хитро-льстивый шепнул: «Какая смиренница наша Анна!», тем более что все происходило на монастырской соборной площади, куда выходили окна духовника. Анне так хотелось, чтобы он именно в этот момент взглянул в окно. Слышала ли она тогда движения своего тщеславия, отгоняла ли молитвой подобные помыслы — трудно сказать. В ее тетрадах молитвы, которые благословляли святые отцы читать для борения с тщеславными помыслами, появились позже (с. 103–104).

В этой же главе рассказана удивительная история об уроках бабушки, питающих сердце героини. Речь идет о том, как, будучи маленькой девочкой, Анна искала «среди обычного трехлистного клевера очень редко попадающиеся, причем исключительно случайному глазу, четырехлистники». Очень редко, но это чудо свершалось:

Бабушка так даже иногда и плакала от радости за свою Аннушку: «Один листик, — говорила она ей, — это есть наша Вера, второй — Надежда, третий — Любовь, а четвертый — мать их София. А все листочки вместе — это тебе билетик в Вечность. Вот давай его сейчас в книжечку положим и засушим, а ты потом через много лет найдешь листочек и вспомнишь, как мы с тобой узнавали, в чем оно, счастье наше».

Когда Анна не находила заветный крестolistник и возвращалась к бабушке насулпленная и огорченная, бабушка утешала ее тоже какими-то особенными, не очень понятными, но волнующе-торжественными словами: «Не приходит Царствие Божие с соблюдением». Это относилось к секрету четырехлистника, который если искать намеренно, настырно и дерзко, мол, хочу и найду — «с соблюдением», то никогда не найти, а если случайно, то, кому положено, тому

обязательно выглядит крестолистный трифолиум счастья. И в мире растений счастье находили только смиренные... (с. 93–94).

Эти фрагменты раскрывают стереоскопичность повествовательной манеры автора. Это уроки классики, освоенные современным писателем: детализация, связанная с воспроизведением впечатлений, реакций, переживаний, далеких, но вернувшихся через годы и остро ощущаемых здесь и сейчас, со всей атрибутикой той предметности, тех подробностей жизни и быта, соединяется с обобщениями сегодняшнего видения и понимания, добытыми тяжелым опытным путем. (А кроме того, опять же следуя традиции, автор расширяет смысловой объем за счет созданной им дистанции «повествователь — герой».)

Другое дело, что предмет наблюдений и анализа иной — Анна не останавливается на психологии, на душевном, она добирается до духовных оснований и первопричин. Перед нами — техника и технология очищения сердца с беспощадным «вскрытием мозга и грудной клетки» (самой Анной или ее духовным отцом), с пристальнейшими наблюдениями за изменениями состояний и «улавливаниями» даже намеков на те или иные помыслы, уводящие от Истины. Такая внутренняя работа носит отнюдь не головной, абстрактный характер, она полита живой кровью горячего сердца, поскольку здесь осуществляется не препарирование «мертвого тела», но рождение в новую подлинную жизнь, вхождение в Красоту и Радость, которое с обязательностью закона должно быть оплачено преодолением страданий и победой над искушениями, то есть непрестанно совершаемым евангельским самоотречением⁷.

Чрезвычайно важные пояснения к тому, что переживает Анна и что ей предстоит еще пережить, содержит глава «Искусство стегания одеял». Заголовок, как будто бы адресующий нас к конкретному делу-ремеслу, носит безусловно метафорический характер. Не случайно цепочка «расшифровок» к главе завершается более чем серьезно и высоко — «Даждь кровь и приими дух». Но при этом подчеркнутая обыденность-«оземлененность» названия выполняет и другую функцию: как в освоении искусства стегания

⁷ «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником. Соль — добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить ее?» (Лк. 14: 33–34).

одеял, так и в этой, казалось бы, далекой от наших повседневных забот и работ деятельности, которую невозможно оценить-определить критериями материального мира, необходимы конкретные, последовательные, терпеливо и ответственно исполняемые шаги, а также навыки, приобретенные терпением и последовательностью выполнения определенных действий — безропотным терпением находящихся человека испытаний и скорбей.

Необходима труднейшая практика самопознания, требующая сосредоточенности, полнейшей самоотдачи («полной гибели все-рьез») и мужества, поскольку погружение в глубины собственного сердца — процесс болезненный, кровавый, потому и «отдай кровь...»:

Всё почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9 : 22). О том духовник говорил часто — и самой Анне, и в проповедях своих. Только как-то мимо слуха сердца пролетало это апостольское слово. Всем в основном казалось, что вот сказал ты на исповеди грехи свои, прочел разрешительную молитву священник, грехи прощены — чего же еще? Зачем же это устрашающее «пролитие крови»? Да ведь и сама жизнь сколько скорбей уже подарила... Анне иногда казалось, а может, это уже родилось в ней по приходе в монастырь и первым годам горячего покаяния устойчивое такое настроение, что она свою меру скорбей уже избыла, а теперь наступает другое: она будет подвигаться на послушании у Духовника, погружаться в поистине райские его церковные службы, исполнять заповеди с любовью и усердием, очищаться... Она уже готова была жить на земле как в раю, а тут ей вдруг предложили вернуться в... ад (с. 193).

Главе предпослан эпитаф из трудов преподобного Никиты Стифата о труде самопознания. Самопознанием начинается аскетический опыт, труд этот никогда не останавливается, преобразуясь на зрелых ступенях в «умное делание», которое базируется на «трезвении» и «внимании». Самопознание совершается на пути претерпения искушений, и никак иначе — потому, как говорит апостол, «С великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание веры производит терпение» (Иак. 1 : 2). Именно в жестокой брани с искушениями познаются глубины сердца человеческого, мы учимся труднейшему навыку — самоукорению, которое только и приводит к подлинному покаянию и сокрушению. И тогда возможно достичь желанного: «Сердце чисто созижди во мне Боже и дух прав обнови во утробе

моей» (Пс. 50). Потому преподобный Никита Стифат и полагает, что познавший себя духовно уже совершил все заповеди:

...Познай себя самого; и это есть воистину истинное смирение, научающее смиренномудрствовать и сокрушающее сердце и сие самое делати и хранити понуждающее. Если же ты не познал еще себя, то не знаешь и того, что есть смирение, и делания, и хранения еще не коснулся, ибо познание есть конец делания заповедей. Всякий познавший себя почил от всех дел, кои по Богу, и вошел во святилище Божие, в мысленное богослужение Духа... (с. 189).

Автор намеренно не скрывает слабостей Анны, того, как достигаются ею маленькие победы над собой, в которых она, тем не менее, всегда оказывается, с мирской точки зрения, в роли побежденной. Эти правила аскетической науки трудно даются нашему житейскому пониманию, не подчиняются мирскому здравому смыслу. Только в состоянии сокрушения (кенозиса — истощания), в сердечно выстраданном осознании, что ты-то и есть фарисей, что ты «нищее всех», «хуже всех», «тише воды — ниже травы» или же «тебя нет», ты берешь еще одну ступеньку в своем духовном возрастании, делаешь шаг вперед к освобождению от ветхости в себе — к обретению черт нового человека. Радость, которая наполняет сердце в такие минуты, это прикосновение к подлинному, к Истине. И ее ни с чем другим невозможно сравнить или перепутать.

В книге, безусловно, много боли — и личной, и страданий за близких, и это закономерно, поскольку «только скорби выбаливают грех». Но при этом автор описывает «высокие точки духовного бытия» своей героини, которые были ей дарованы и памятью о которых полнится и живится ее сердце:

Путь Анны в Церкви складывался своеобразно. Господь первоначально давал ей случаи прожить в редких, но предельно ярких мгновениях какие-то высокие точки духовного бытия, чтобы потом отойти, оставив ее только с памятью об этих высоких духовных состояниях, причем с памятью, тающей на глазах... Духовная реальность настолько иная, что человеческие средства выражения не способны их запечатлеть. Сердце хранит эту память, но не это озарение, не это преображающее всего человека, опаляющее явление Света. Состояние человека, которому было даровано благодатное озарение, таково, что он не способен из-за своей греховной испорченности его вместить

и тем более сохранить. Но зато у него появляются некий неотмирный опыт, знание и критерий Божественной правды, который дальше и ведет этого человека по пути преображения души. Видела? Поняла? Прочувствовала? А вот теперь, подвизаясь, терпя скорби и неудачи, болезни и поношения, самое себя, негодную; свое, все глубже и горше для души открывающееся недостойнство терпя, потрудись сама над своим внутренним человеком, чтобы законным путем прийти к тому, что было тебе показано авансом как мерцающая в безмерной дали цель... (с. 189–190).

При этом Е. Домбровская верна духу и смыслу Предания — никакой экзальтации, никакого дурного мистицизма, ни ноты умиления и сентиментальности — о неотмирном опыте свидетельствуется в контексте того самого трезвения, без которого немыслима верная духовная оценка того, что же с человеком происходит. И здесь, мне кажется, следует упомянуть еще одну очень важную авторскую установку, которой руководствуется писатель, обобщая опыт своей героини, и которая придает повести цельность, весомость и выгодно отличает ее от других сочинений. Речь идет о том, чему учил автора когда-то его духовник, а именно «определительности» — потребности ума (приобретая заодно соответствующие потребностям навыки мышления) выискивать Божественные основания каждой вещи под солнцем, каждого явления и состояния⁸.

* * *

Святые отцы эти «основания» называли логосами — «Божественными логосами — заданными Самим Творцом основаниями всему сущему». Е. Домбровская, поясняя этот принцип

⁸ «Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр. 5 : 12). Совершенство духовное — это великая способность различения добра и зла, пребывание совершенного ума в истинной иерархии ценностей и правильных понятий о чем бы то ни было в жизни, это та самая *определительность*, о которой писал святитель Игнатий (Брянчанинов): «Определительность в религиозных и нравственных понятиях имеет необыкновенную цену; неопределительность — большой недостаток, отзывающийся во всех действиях шаткостью, непрочностью...» (*Свт. Игнатий (Брянчанинов)*. С. 389).

«Спаси мя, Господи; яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне лъстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая» (Пс. 11 : 2).

«определительности», полагает, что он мог бы стать главным в воспитании и образовании в целом:

Логосы Божии — это «смысл всех смыслов» (свт. Григорий Богослов), внутренняя основа и сущность всего существующего. Святые отцы говорили о логосах как о «первообразах, которые существуют помимо чувств» (прп. Максим Исповедник), как о Божиих «идеях-волениях, волящих мыслях» (прп. Иоанн Дамаскин). Это идеи-прообразы, согласно которым Бог «и предопределил, и произвел все существующее» (Дионисий Ареопагит); это Его мысли, ведь «Бог творит мыслью, и эта мысль... становится делом» (Иоанн Дамаскин). Логосы — это образующее начало всякой твари и орудия, посредством которых Бог творит мир; это «действующая причина всего сотворенного» (свт. Василий Великий), и идея, и принцип, и закон тварного бытия, и цель, к которой тварь должна быть устремлена... (с. 418).

Во всем, всегда и везде стремиться (и учиться самому, разумеется!) проникать в Божественные замыслы-логосы любой вещи и явления (ничего не брать механически-конформистски на веру), а вместе с ними и во весь строй Божественного миропорядка. Ведь Бог — это еще и Порядок (по слову святителя Григория Богослова). И какое же это счастье — приникать к этим логосам, а все суемудрие мира просто исключать... как посягательство на прерогативы Творца.

Программа-максимум, конечно. Но вот само устройство книги, высокая простота смыслов и композиции, стройность, правда настоящего русского слова — это все, в совокупности обеспечивающее красоту и порядок книги в целом, есть как раз замечательный пример реализованного в творчестве принципа «определительности». И урок смирения — от автора, самого прошедшего школу сокрушения. В этом ключе особенно поучительна история последнего послушания, которое духовник накладывает на Анну, — написания «Словаря христианских понятий».

По-человечески, а, другими словами, исходя из нашей «суррогатной душевности», вполне понятны и могут быть приняты-оправданы стремления героини, ее переживания и обиды. Будучи творческим человеком, пишущим литератором, журналистом, профессионалом высокого класса, она была отлучена от любимого дела на целых 17 лет — в соответствии с традиционной духовнической практикой, предполагающей спасения души ради (если

собираешься остаться в монастыре, а героиня очень стремилась к этому) глубокое самоотречение от всех своих «имений», в том числе и от некоего признания за собой достоинств профессиональных. Объяснение сути этой практики содержится в суждении отца Софрония (Сахарова), приведенном в эпиграфе к главе с характерным названием «Обруган, высмеян, испытан»:

Если я одарен умственно для серьезной научной работы или для художественного творчества, то мой успех явится поводом к тщеславию, и становится невозможным найти глубокое сердце — место духовной молитвы... (с. 119).

А далее в главе «Оливковый пресс» речь идет о состоянии «беспокровного странничества» как необходимом этапе очищения сердца и достижения той самой «определительности»:

Что-то очень глубокое, сакральное, до священного ужаса бесконечное открылось тогда потрясенному сознанию Анны... Первая заповедь: «...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею...» (Мк. 12 : 30). Сколько лет жил человек, слышал, знал и повторял эти слова заповеди, и вот только сейчас расслышал их по-настоящему: «всем сердцем, всею душою, всем разумением, всею крепостию»! Вот оно — сокровище моей жизни, а я все тут хочу поудобнее поместиться! И лгу себе, лгу, обольщаюсь, обманываюсь... Ну как отнимут у человека совсем все «дела» да опоры — что тогда останется, к слову, тому же монаху-отшельнику? Заземленный человек ищет дела. А отшельник? Ему что становится делом? Только молитва... (с. 290).

И Анна начинает постигать истину слов великого святителя Филарета Московского, которые

...Он произнес однажды в своей проповеди на Рождество Христово: «Беспокровные токмо странники входят в Вефиль и Вифлеем — дом Божий и дом Хлеба животного. Только произвольные изгнанники земли приемлются в граждан неба (с. 303).

В этой главе, по существу, развернуто обоснование «узкого пути» Анны. Иначе гордости в человеке не поколебать.

Наконец запреты сняты — Анна получает благословение вновь заняться писательством. Конечно, задача не из легких — создать такой словарь, каждая статья которого стала бы, по указанию

духовника, словесной иконой — причем для читателей самых разных, с различным житейским опытом и опытом духовной жизни. Героиня поэтому полна сомнений в возможности исполнить послушание должным образом, однако с головой уходит в работу, добросовестно осваивает библейское и святоотеческое наследие, пишет обстоятельное, превосходящее в несколько раз по объему, чем ей велел духовник, введение и, погруженная в материал, катастрофически затягивает сроки написания самих статей. Ее рвение в исполнении послушания при всех очевидных и положительных мотивах обнаруживает, тем не менее, в сердечных глубинах то, с чем, как ей казалось, она уже справилась. Недостаточно еще был очищен ум Анны от старых взглядов — «предзанятых понятий»:

Реакцию Анны и эту бездумность, с которой она «пропустила» ватагу подобных помыслов, можно было бы обозначить словами преподобного Исаака Сирина в его классификации причин, от которых бывает в человеке движение помыслов. Преподобный выделял четыре причины: движения помыслов от естественной плотской похоти, от «чувственного представления мирских предметов», от *предзанятых понятий*, какие человек имеет в уме, и от приражения бесов, которые воюют с нами, вовлекая во все страсти... Поэтому, предупреждал великий наставник умного делания, «человек, даже до смерти, пока он в жизни этой плоти, не может не иметь помыслов и брани». В случае Анны речь должна была бы идти о тех самых «предзанятых понятиях» (прежних впечатлениях), которые бесконтрольно пронеслись тогда сквозь нее, не успевшую насторожиться и потребовать паспорта у тех злосчастных помыслов... (с. 457–458).

Однако ни на что из старого в своей, в том числе и профессиональной деятельности, она опереться не может — все должно быть пересмотрено заново в свете Христовом, а то, что рождено неверием или полуверием, смешением разных душевно-духовных стихий и культур, добра и зла, нельзя автоматически взять в работу. Состояние Анны отягощено еще и «злопомнением боли», обостренными душевными страданиями, которые связаны с неосуществившимся монашеством:

«Есть и такой род злопамятности, — владыка говорил как-то нарочито медленно и тихо, каким-то совершенно бесстрастным «загробным» полупепоном, — когда человек *помнит* то место или того человека, который делал ему больно, и хотя, казалось бы, не держит

зла на этого человека, но источник боли, место и обстоятельства, чрезвычайные испытанием вот такой же боли, старательно обходит за версту...»

<...>

И домой она шла в глубоком огорчении и досаде: «Ну что это он выдумал на сей раз? Кого я не прощаю? Неужели его самого? Да у меня так вопрос даже не стоит и стоять не может: я все от него принимаю... (с. 462–463).

Много позже, когда духовник уже покидает монастырь, Анна осознает, что же на самом деле с ней произошло, и автор, сострадая, с сердечной болью за героиню пишет об этом:

...Однажды бессонной ночью вдруг блеснули Анне так ясно и резко, словно она пережила все только вчера, какие-то «несущественные», как раньше ей казалось, почти забытые подробности тех событий. Ей словно кто-то сказал: «На вот, смотри!» И Анна ужаснулась... Она вспомнила, вернее, увидела, как наяву, ту самую первую встречу, когда владыка с исключительно добрым настроением обрисовывал ей ее новое задание — подготовку «Словаря христианских понятий». Тогда-то он как бы мельком заметил, что статейки в словаре должны быть очень маленькие и простые, чтобы их можно было публиковать в той монастырской газетке, которую Анна как профессионал без содрогания видеть не могла. <...> И она... забыла о сказанном владыкой, словно этого и не было. Категорически отмела и отвергла внутри себя его слово и вместо этого тут же начала преобразовывать полученное задание в меру своего богатого профессионального воображения в нечто творчески-изящное, сильное, красивое... <...> Выработался некий навык, который тогда, в отсутствие бдительности, бездумно (не без давления ущемленной гордости) и сработал механически — как автомат» (с. 456–457).

Особенно ей памятна, как она выражается, 20-страничная «публицистическая простыня» вместо четырехстраничной вступительной статьи к словарю, краткой и внятной:

...В тот предрассветный час милостию Божией узрела Анна, насколько немощно и опасно все то, чем жила когда-то, будучи уверенной, что ее навыки, подходы и сами мысли не только вынуждены, но еще и праведны и освящены светлыми намерениями и целями, что даже все доброе в нас — и оно должно быть или отвергнуто, или как минимум переосмыслено в свете евангельских заповедей. На сей раз Анна увидела все, что с ней произошло, как Моцарт — свою

симфонию на тарелочке. И разом пришла в себя: «Что же я натворила!» (с. 458).

Обобщая переживания Анны, автор отмечает, как в процессе работы она изменилась — была переформатирована вся ее внутренняя «механика»:

Вообще же, несмотря на то, что работу над «Словарем понятий» Анна самочинно прекратила — она ведь не знала, что рукопись «соперницы» (задание было дано еще одному человеку, который, в отличие от Анны, все сделал быстро и четко) не собирались публиковать, и думала, что на этом ее послушании поставлен крест... мозг ее, душа и сердце неустанно продолжали над словарем работать. Вся ее внутренняя «механика» была уже переформатирована, о чем она сама пока не подозревала, не замечая, что стремление определять и описывать понятия, прикидывать всецело к звучаниям Божественных логосов, питать ими свое сердце стало теперь всецелым влечением ее духа, потребностью, без утоления которой она не могла жить... (с. 469).

И такой результат многого стоит...

* * *

Путь Анны раскрывается и в испытаниях ее отношений с окружающими людьми. Как строить эти отношения — в семье, с близкими, с «товарками» по монастырю и послушаниям? Что сделать, что претерпеть, как поступить, чтобы эти люди, часто не отличающиеся добродетельным поведением, становились действительно «ближними»? Мы видим, что героине приходится «смиряться до зела», вступая в нешуточные конфликты со своей самостью и душевностью, а то и идти наперекор окружающим, руководствуясь помощью духовника и своей совестью, сверяя каждый поступок со святоотеческой педагогикой. В понимании, что есть любовь и какой должна быть любовь к ближним, Анна безусловно опирается на апостольское определение и вместе с тем приводит расшифровку-типологию из поучений «чистого сердца» — замечательной русской подвижницы игуменьи Арсении (Себряковой):

...если любить ближнего для себя, надо желать исполнения своих хотений, своей плотской воли. Если любить его ради самого, надо исполнять его волю, его желание. А если любить ближнего ради Господа, то надо стремиться и в отношении его исполнять волю Божию

и ходить непорочно во оправданиях Его. Будем любить ближнего ради Господа...⁹

Сначала эти суждения послужили эпиграфом к одной из глав книги, а затем, сердечно воспринятые, они претворяются в практику поведения героини в непростых жизненных ситуациях. А настоящие, живые уроки именно такой любви «к ближнему ради Господа» дает ей наставник начиная с первых шагов ее послушания. Некоторые его оценки, поступки нам, повторяюсь, оценивающим их позиций душевности и житейского здравого смысла, могут показаться даже жестокими.

Так, например, когда Анна страдала болезнью сердца и сказала об этом духовнику, он «не вдаваясь в расспросы, мгновенно отпарировал, как выстрелил: «Сердце болело, говоришь? Так это от гордости» (с. 135). Подобным образом он объяснил героине и ее внутреннюю робость. Только пройдя большую часть своего пути, Анна начинает понимать, какой целебной силой обладало это горькое лекарство. Ведь без него она вряд ли смогла бы «вырваться из этого темного и душного плена саможаления». Более того, смиряясь, она все явственнее чувствует силу молитв наставника за своих духовных чад.

Образ наставника Анны можно считать центральным в книге. Автор, следуя за героиней, обращается к нему на протяжении всего произведения:

Он не терпел лжи, притворства, «игры» даже в самом тонком ее проявлении, все ведь это было знаком прелести — опасной церковной болезни. А прелесть эта в то время вылезала из всех щелей. Современные нам «старцы» часто превращали своих чад в рабов своего «величия», использовали их в своих делах, подчеркивали при этом свою свободу — свободу якобы святости. Это были монахи-артисты, которых так называл еще святитель Игнатий (Брянчанинов), свидетельствовавший, что и в его время — середину XIX века — от них уже житья не было. Стяжать святость было сверхтрудно. А играть в святость, изображать ее — ничего проще (с. 57–58).

И хотя отношения с наставником складывались непросто, Анна в конце концов понимает всю силу его спасительной любви.

⁹ О любви // Чистое сердце : По трудам игумении Арсения (Себряковой). М., 2010. С. 34–35.

Прообразом старца является архиепископ Костромской и Галичский Алексей (Фролов), известный строжайшей аскетической верностью духу Евангелия. Вспоминая наставника, Е. Домбровская пишет: «Владыка Алексей нередко обращал сердечное внимание чад к воззрению на реальность духовную. И то, как он это делал, действительно помогало тем, кто стремился к “послушанию мудрования” не только постигать эту жизнь как “соние”, но и с притруднностью искать в своем сердце видение иной, подлинной реальности. В том числе и в пространствах истории»¹⁰. В книге достаточно эпизодов, которые более чем ярко иллюстрируют эти слова. Один из них — о том, что переживает Анна после литургии в честь святого равноапостольного князя Владимира:

О, Боже мой! — Только и воскликнула, сказала сама собой в сердце Анны догадка: «Святой Владимир ведь крестил Русь миром Христовым!» Ощущение этого мира она никогда бы не смогла описать. Неземной покой или тишина, не святое даже расположение души, которое бывает в церкви после причастия, но состояние неземного блаженства, полноты благодати, любви — «мира Божия, который превыше всякого ума», «исполняющего все существо наше непостижимой силою и небесною сладостию» (свт. Игнатий (Брянчанинов)). <...> После молебна Анна вышла из храма на грохочущее Садовое Кольцо. Стояла июльская жара, полдень, люди спешили, машины теснили друг друга, а тем временем Анна, еще погруженная в мир Христов, в его «небесную сладость»... знала несомненно: во время крещения сам князь воспринял такую безмерную Благодать Святого Духа, настолько вместил в себе этот мир Христов, настолько был им исполнен и объят, что этим-то миром, пребывая в нем, он совершал Крещение Руси. Им он думал и действовал, его излучал вокруг себя, им сиял и светил, привлекая к себе сердца людей, просвещая их души... (с. 377–378).

И уже не важно, по большому счету, напечатана твоя статья о князе Владимире или нет. Ведь Бог сохраняет всякое слово, произнесенное или написанное не всуе, а с сердечным пониманием евангельских истин.

¹⁰ Домбровская Е. «Подвизайся даже до крови» : Памяти архиепископа Алексия (Фролова) // Православие [офиц. сайт]. URL: www.pravoslavie.ru (дата обращения: 04.05.2015).

Очевидно, что перед нами действительно художественное произведение, свободное от плоского дидактизма и начетничества. Оно написано чистым глубоким русским языком, отличается разветвленной символикой, мастерством описаний, в том числе описаний природы, отмечено выразительностью деталей, изысканностью и щедростью образов. Вот лишь некоторые примеры:

Место было старинное, дачное, сосны, вместо травы — перины иголок, песок, счастье сидеть под соснами, запрокину голову, и неотрывно следить за качанием крон и слушать их тихий неземной разговор... (с. 314).

Ей повезло с днями: все были солнечные и на удивление тихие. Сентябрь парил над этим обезлюдевшим местом, которое давно уже покинули суетливые дачники... (с. 370).

Наконец пришел май, а с ним вернулась к Анне ее отрада, ее благословенное одиночество, ее излюбленная жизнь в полузаброшенной деревне: последний дом на краю почти обезлюдевшей улицы, крутой высокий берег, прихорашивающиеся по весне леса, болотистые луговины, и еле заметным росчерком — во влекущей дали — деревня с таинственным названием Неданово (с. 470).

Книга завершается знаковым событием — отъездом владыки в другую епархию. Анна остается без наставника с приобретенным духовным багажом. Пройдя «школу сокрушения», она переживает состояние подлинной духовной радости. Символично, что это время перед началом поста, когда Анна

...уже трепетала сердцем от ожидания великой весенней радости — радости, ни с чем в этой жизни не сравнимой: ощущения себя крупницей соборного единства Церкви, причем не только в пространствах горизонтали жизни, но и в пространствах вертикали — в единении с предками... <...> Вокруг домика Анны лежали еще высоченные сугробы снега, и надо было каждый день большой лопатой расчищать проход. Еще сиротливо торчал жалкими голыми веточками сад, но уже по-над далями сияла такая высокая младенческая голубизна нарождающейся весны, что оторвать от нее глаз было совершенно невозможно. И почему так колотится сердце? И ждет, и предвкушает, и надеется, и верит... И Анна, стоя на своем крыльце, вдруг начала петь во весь голос, благо вокруг ни одной души человеческой не обреталось: «Крестом Твоим, Господи, и мене укрепив, постов мне даруй, Благий,

благomoщно скончати отхождение!» Голос ее звучал крепко и чисто. Однако нужно было идти в дом: вечерело, пора было затапливать печку. К ночи обещали метель... (с. 511).

Картина весны, чреватой метелью, полна символики. Не таков ли наш путь взращивания в себе «драгоценного пред Богом» духовного человека? Путь, который, пока мы живы, завершить невозможно, как и измерить его, оценить «оземленным, преданным вещественности рассудком» (с. 457). Потому пластика открытого финала, вобравшая многолетний опыт русской классической литературы, это не только обозначение авторского нежелания формально итoжить судьбу Анны. Это, наверное, единственно возможное завершение книги, помогающей читателю заглянуть и в глубины собственного сердца.

Вопросы для размышления

1. Что означает жанровая номинация «аскетическая проза»? С какими традициями она связана?
2. Заголовочный комплекс повести. Посвящение как духовный, смысловой, композиционный центр «Весны души».
3. Опыт «очищения сердца» в книге. Этапы внутренней работы над собой. Святоотеческая практика «трезвения» и «диалектика души».
4. Смирение («школа сокрушения») и творческая личность. Проблема самопознания и познания мира с опорой на святоотеческую традицию.

3.2. О функциях и символике снов в повести Е. Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы божией Анны»

В предлагаемой главе речь пойдет о снах и видениях, которые несут особую нагрузку в повести — поясняют в образно-символическом ключе все происходящее с героиней. Сюжетно и структурно сны (а их описаний насчитывается, если еще взять во внимание описания снов дочери и других персонажей, 14) непосредственно включены в аскетическую практику Анны, ее путь поступенного (от ступеней) стяжания «даров духовных».

Автор очень хорошо знает святоотеческое учение о снах и видениях, о том, с какой осторожностью и при каких условиях человек может обращаться к их интерпретации. Существует целая традиция замечательных сочинений святых отцов, от Иоанна Лествичника до святителя Игнатия (Брянчанинова), в которых подробно и обстоятельно разъясняются природа снов и видений и опасность самостийного «вхождения» в них¹¹. Поэтому сны (всегда, а особенно в такого рода литературе) — это чрезвычайно тонкая и сложная материя для анализа. Сразу следует отметить очень сдержанный, почти констатирующий тон описаний. Никакой сентиментальности и умиленности, которые бы свидетельствовали об «уклонениях» автора в аспекты собственно человеческой душевности и характеризовали бы просто психологическое состояние героини. Здесь речь — сугубо о духовном пути и духовной проблематике. В комментариях к произведению Е. Домбровская указывала, что в своих трактовках и прочтениях запомнившихся снов (а повесть, напомним, носит автобиографический характер) она опиралась в первую очередь на оценки своего духовника архиепископа Алексия (Фролова), известного своей строжайшей аскетической верностью духу Евангелия. По прошествии лет смыслы сновидений, часто прямо пророческие и касающиеся не только собственно судьбы героини, стали еще более очевидными. Святой Николай Сербский (Велимирович), автор фундаментального сочинения «Символы и сигналы», замечал, предвзято разбор описаний снов в Библии:

Согласно Библии, Елиуй, друг Иова, поучал его: «1. Господь говорит с людьми во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей... тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление, чтобы отвести человека от задуманного дела и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом» (Иов. 33: 15–17). Справедливость этих слов была множество раз подтверждена на опыте. <...> 10. Примеры снов-сигналов многочисленны и в наши дни. Кто имеет уши, чтобы слушать, да слышит! Кто имеет

¹¹ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о чувственном и духовном видении духов // Игнатий (Брянчанинов), свт. Слово о смерти. Слово о человеке : собр. соч. : в 3 т. ; Николо-Бабаевский монастырь [официальный сайт]. Т. 3. URL: <http://babayki.orthodoxy.ru/tom3.html> (дата обращения: 15.05.2017).

духовный разум, чтобы понимать, да уразумеет! О снах-сигналах, явленных в наши дни, можно написать множество томов»¹².

Если же говорить о духовно-литературных традициях, которым следует в описании снов Е. Домбровская, то, возможно, наиболее типологически близкими произведениями являются сны монахини Сергии (Клименко)¹³ и видения, описанные в записках Таисии Леушинской¹⁴. Записки, как известно, предваряются вступлением, в которых прямо говорится о том, что описания снов и видений благословляются святителем Иоанном (Кронштадским) на публикацию с назидательной целью¹⁵. Предварив наши размышления приведенными сведениями и замечаниями проблемно-методологического характера, приступим к рассмотрению собственно снов.

Все сны пронизаны, одухотворены глубокой христианской образностью и символикой: в них фигурируют крест, лестница в воздухе, чаша для причастия и чаша скорбей, храм, иконы и оклады для икон, образы Спасителя и Богородицы, святой Сергей Радонежский и святой князь Владимир и т. п.

Несколько очень ярких описаний связаны главной темой для христианина — темой креста. Первый сон Анна видит в самом начале своего духовного пути, и ему предшествует тяжелое «наваждение бесовское»:

А под утро был сон. Она вдруг увидела большой бронзовый крест, который достался ей от бабушки; он когда-то был храмовым

¹² Николай Сербский (Велимирович), *свт.* Символы и сигналы // Предание.Ру [православный портал]. URL: <https://predanie.ru/nikolay-serbskiy-velimirovich-svyatitel/book/71722-simvol-y-i-signal/> (дата обращения: 12.05.2017).

¹³ Видение мытарств монахине Сергии Клименко // Проза.Ру [лит. портал]. URL: <http://www.proza.ru/diary/skityanka/2015-03-29> (дата обращения: 12.05.2017).

¹⁴ Записки и письма игумении Таисии, настоятельницы Леушинского монастыря / [сост. А. Стрижев]. М., 2000.

¹⁵ «Однажды довелось мне более часа беседовать наедине с общеизвестным нашим светильником о. Иоанном Сергиевым-Кронштадским. Когда разговорились мы с ним о вышеприведенном предмете, то и он стал доказывать мне необходимость предать записи все бывшие мне явления и видения, каковые, по мнению его, имеют много назидательного смысла и значения, не только единолично для меня самой, но и для других... Бога же призываю в свидетели, что пишу чистую правду и истину, настолько справедливо, насколько доступно передать словом необъяснимое, высшее, и насколько сохранила во мне все сие моя память, без всякой прикрасы, в полной истине» (Записки и письма игумении Таисии, настоятельницы Леушинского монастыря. С. 10).

напрестольным крестом, а после разрушения церкви — очень давно это было! — священник отдал эту святыню бабушке, а та завещала Анне. Теперь же ей был показан тот самый крест, как он и был наяву: на стене в молитвенном углу Анны. К подножию креста стекала струйка крови и останавливалась на Голгофе над головой Адама темным рубиновым сгустком... (с. 142–143).

Так запечатлена истина о пути православного человека как пути всегда крестном. И тут, убежден автор, не может быть разделения на строгий крестоносный евангельский путь для монахов и другой — для мирян. Путь — один, а только образ жизни разный, и «нет христианина не подвижника, разумеется, в меру природных сил и возможностей» (с. 63). «Недаром духовник так часто повторял в своих проповедях то удивительное и немногим понятное слово: «Запомните, дорогие... достоинство человека восстанавливается на Кресте» (с. 329). Трудно переоценить в этом сне и образ пролитой к подножию креста крови, образовавшей «темный рубиновый сгусток». «Пролитие крови» символизирует выстраданность духовных обретений: только так, а не из прочитанных книжек достигается подлинное смирение — состояние «сокрушенного сердца». Сон коррелирует с эпизодом, когда духовник не стал говорить с ожидавшей его Анной:

Духовник резко повернулся к Анне спиной и зашагал от нее, мерно и твердо отстукивая путь своим архиерейским посохом... Анна осталась стоять где стояла. Она почувствовала реально и физически осязаемо увидела, как на вскрытии, своим внутренним зрением, что в ту минуту из сердца ее вытекла живая горячая струя крови. Невероятно? Но это так. Обостряет Господь в особые редкие минуты духовное зрение. Прочувствовав это видение почти хладнокровно, как бы зафиксировав его, постояв еще немного, Анна тоже повернулась к святым вратам и спокойно зашагала в свою сторону, поражаясь той странной внутренней тишине и даже какой-то благодати, любви, разлившейся в ней... «Вот когда будешь радоваться...» — вспомнились ей тут слова духовника, сказанные ей сколько-то лет назад... (с. 460).

Христианская символика страданий на кресте, «пролития крови» и обретаемой благодати и будущего спасения в глубинном и глобальном смысле связывается с таинством Евхаристии. В повести дается описание сна дочери, который прямо трактуется

как спасительный, как Господняя помощь сбившемуся со своего крестного пути человеку. Дочь видит вереницу монахов, выходящих из собора, а впереди — «маму, тоже в черном», торжественно и благоговейно несущую «впереди всей процессии драгоценную чашу» (с. 239). «Наверное, Господь хотел показать Маше, какие скорби из-за нее несет мать», — замечает повествователь (Там же). Сама же дочка признается, что в этой чаше был ей явлен образ материнских молитв за нее (Там же). Завершается эта глава с характерным названием «Христос никогда не отдыхает» эпизодом видения чудесного причастия, опять же зеркально коррелирующим и, если переходить на музыкальный язык, симфонически усиливающим не только описание сна девочки, но и снов о кресте и пролитой крови:

...Когда приняла причастие, она смогла каким-то чудесным образом увидеть, как святая частица Тела Христова проникла в нее и как опустилась она в сердце. Анна видела себя совершенно прозрачной. И явственно — сердце. И сердце отвечало молитвой — такой, какой Анна никогда не знала и не способна была бы совершить своими усилиями, — ее сердце тихо бурлило, как неумолкаемый и ровный источник, изливая молитву: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешную»... Этот источник жил и пел в ней несколько дней... (с. 245).

Все эти эпизоды связаны, помимо тематики, сквозными образами-символами *креста, сердца, пролитой крови*, имеющими ключевое значение. Они читаются как знаки, как главные ориентиры пути христианина и как залоговые, противостоящие против «закваски фарисейской». Эта тема в качестве завершающего и очень мощного аккорда в симфоническом звучании связанных между собой снов-видений явлена в страшном сне о признании себя фарисеем. Героиня видит себя распятой, и от нее требуют признания, что она-то и есть фарисей:

«Нет! — кричало ее сердце. — Это неправда! Ни за что! Это все была клевета». — «Скажи, покайся и признайся, что ты — фарисей». Сколько длилась эта страшная борьба — час или два? — трудно сказать, но, собрав последние силы, Анна, сама не понимая, почему и как, сделала, и все-таки вдруг *прокричала* эти страшные для нее слова в самом последнем своем отчаянии: «Ну и пускай: я — фарисей! я — фарисей! я — фарисей!...» И в тот же миг она увидела духовным зрением своего духовника в полном архиерейском облачении, который медленно

приближался к ее кресту и, приблизившись, с великой любовью и светлейшей радостью медленно благословил ее двойным широким архиерейским благословением... (с. 281–282).

Другими словами, только пережив сердечный опыт приобщения к Истине и постоянно испытывая себя беспощадным судом перед образом креста и распятия, можно избежать фарисейского каменносердечия, дебелисти сердца, как любил выражаться святитель Игнатий (Брянчанинов). Потому и благословляет ее духовник — он видит обретаемые героиней дары смирения.

Тема смирения является цементирующей для всей книги. Собственно, все, о чем рассказывается в книге, можно охарактеризовать одной из формул-расшифровок к главам — «в школе сокрушения», прямо выводящей к строкам 50-го псалма: «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Потому особое значение в контексте других снов-видений, а также и всей повести в целом имеют сны, раскрывающие эту тему. Они даже графически выделены курсивом и по объему превосходят все ранее упомянутые. Это сны «о тарелочках» и о «шутовском колпаке», окрашенные светлой интонацией надежды на спасение: «Наконец стрелки сердечных весов Анны качнулись в сторону надежды» (с. 488).

Сон «о тарелочках» Анна видит в самом начале своего пути, когда только приступает к постижению уроков различного рода «сокрушений». Это своего рода напутствие для новоначальных, которым еще даруется благодать, чтобы сердце запомнило это состояние и человек смог бы пережить обязательные и длительные периоды, когда благодать отымается. Ей снится монах с золотым наперсным крестом — «радостный, светящийся, приветствующий ее какими-то не по-земному красивыми речами». Он преподносит ей корзину с тарелочками:

«Но у меня же ничего нет! — отвечала изумленная Анна. — Чем же я их кормить буду?» — во сне Анне почему-то сразу стало ясно, что тарелочки — это люди. А батюшка с улыбкой достал со дна корзинки маленькую луковичку и какую-то хилую морковку: а вот, мол, тебе и провизия твоя, вот и корми... (с. 186).

«Хилая морковка» непосредственно связана с высказыванием духовника (опредмеченное высказывание), которое он повторял не один год в назидание стремящимся возвыситься над другими,

показать себя: «Сиди морковью среди других морковок, пока Господь в капусту не пересадит» (с. 179). А «маленькая луковичка» — не ошибешься — прямо отсылает к луковке из «Братьев Карамазовых»: подать луковку — проявить сострадательную любовь, хоть малую ее толику, и это — пусть малое — движение сердца может стать спасительным как для подающего, так и для того, кому «маленькая луковичка» подана. Тем самым сон проясняет, кроме ранее указанного, то, как поступать христианину с другими людьми, чем «питать» человека, чтобы поддерживать в нем живую жизнь. Этот сон вступает в своеобразный диалог с другим, завершающим тему смирения сном о шутовском колпаке. Анна видит себя, простоволосую и в послушническом подряснике, сначала рядом со старчиком (старцем), с которым связывает ее особенная родственная нежность, возможная только в духовной жизни, потом — в окружении церковных иерархов, предлагающих ей вместо монашеского клобука «аккуратно разложенный... длинный белый шутовской колпак», и в завершение сна — картина «метаний» — земных поклонов друг другу Анны и неизвестного, но как будто и хорошо знакомого ей монаха. Сон оставляет светлое впечатление:

Явление двух неизвестных ей старцев: древнего и молодого — утешило и согрело сердце Анны — она почувствовала, что дорога им. А колпак... Уж сколько времени голова ее ждала апостольника... Но теперь вот и колпак ей горячо полюбился как образ надежды, как символ радостного ученичества в школе сокрушения, где Бог помогает душе преодолеть в себе земную греховную тягу, как знак вожделенной свободы от тиранства «Саула» в собственном сердце (с. 488–489).

Другими словами, этот сон — как свидетельство свыше, что еще одна ступенечка в ее восхождении к Истине взята. Отсюда радость.

Однако последний сон, который автор в переписке называет самым страшным, размыкает, как мне кажется, тему личного пути Анны в пространство церковного мира и церковной жизни, в контекст судеб русской православной церкви. Героиня видит себя в храме, где все вопиет о страшном, каком-то безнадежном запустении — иконы не чищены, ликов не разглядеть, многие закрыты, как витрины в галереях, чтобы не выцвели, а потом и вовсе — «огромные для такой маленькой церковки пустые оклады, в которых

отсутствуют лики...» (с. 504). Внутренним зрением она видит тех, кто был изображен на иконах, но сейчас вместо них «в окладах только зияет белая штукатурка стен» (с. 505). «Ей становится ужасно больно, безысходно-тоскливо» (Там же). Священник уходит, Анна спешит за ним, но не успевает и остается одна в пустом храме. Можно, по-видимому, прочитать этот сон как пророческий и предупреждающий одновременно о трагических испытаниях и искушениях, которым может быть подвергнута церковь, об опасностях ее обмирщения в частности...

Суммируя наши наблюдения, заметим, что уже первоначальный анализ снов в повести раскрывает их системный характер и масштабность, принципиальную значимость в прочтении духовного пути Анны, соотнесенного с судьбами православия в России. Сны выполняют функцию символически-образного аналога происходящего с героиней и откровения о смыслах этого происходящего. Будучи вестниками мира невидимого, они напрямую связаны с эпифаническим принципом изображения¹⁶.

Вопросы для размышления

1. Герои повести Е. Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны». Способы и приемы репрезентации.
2. Функции и смыслы снов в повести Е. Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны».
3. «Мир невидимый» в книге.

3.3. Преображающая память: книга «Воздыхания окованных. Русская сага»

«Воздыхания окованных» — еще одно произведение Е. Домбровской, открывающее специфику и масштабность ее художественного мышления в современной литературе¹⁷. Проза московской писательницы представляет собой сплав по крайней мере

¹⁶ См. об этом гл. 1.

¹⁷ Домбровская Е. Воздыхания окованных. Русская сага. Онтарио, 2012. Произведение цитируется в данной главе по этому изданию с указанием страниц.

четырех составляющих. Во-первых, это документальность, которая отражает стремление современной литературы уйти от вымысла. Во-вторых беллетризованное (в хорошем смысле) литературоведение, поскольку русская классика широко присутствует в книге не только как фон, аллюзия или цитата, но и как живая ценность создаваемого мира, нуждающаяся в постоянном «припоминании-перепрочитывании», а также проясняющая смыслы происходящего с героями, их поисков и страданий. В-третьих, это столь же органичная, сколько и глубоко осознанная опора на святоотеческую мысль и русское богословие. При этом автор очень последовательно в соответствии с указанной традицией придерживается четкого критерия, разграничивающего душевный и духовный опыт. И пишет именно о духовном опыте и духовном возрастании. Е. Домбровская не впадает в дурную дидактику, не «засушивает» цветущую сложность произведения, поскольку есть еще и собственно художественная составляющая, что позволяет отнести сочинения писательницы к художественной духовной прозе. Книги Е. Домбровской написаны чистым и глубоким русским языком, мастерство повествования и описаний поддерживается системой сквозных сюжетов и мотивов, разнообразием субъектных форм, символикой, а также выразительностью деталей, изысканностью и щедростью образов.

Но, пожалуй, самое главное, что «Воздыхания окованных» — просто подвижнический труд памяти по восстановлению истории собственного рода в соотношении с историей страны (прил. 1.1). Книга чрезвычайно объемна — более 700 страниц мелкого шрифта. Целые поколения москвичей, и не только — Микулиных, Жуковских, Стычкиных, Домбровских — в незабываемых, ярко обрисованных лицах предстают перед читателем. Многие из них — знаменитые наши соотечественники, например, Н. Е. Жуковский. Символично название. Оно, как поясняет автор,

...взято из Псалтири, где это словосочетание встречается в 78-м, 101-м и ряде других псалмов. По святоотеческим толкованиям, эти псалмы есть слезные воздыхания согрешившего и отступившего от Бога народа, попавшего во вражеский плен и испытывающего едва ли не самые тяжкие муки, лицеурея поругание своего Отечества... и узнания везде и во всем следов своей собственной в том повинности... Окованными можно назвать вообще всех людей, все человечество: и давно ушедших из этого мира, и нас. <...> «Воздыхания

окованных» — это и молитва замещения: поминовение не только имен усопших, но и молитва от имени тех, кто давно уже не может сам за себя помолиться, с упованием на помощь препоручивших это нам, еще живущим здесь (с. 4).

Чтобы молитва состоялась,

...нужно хранить хотя бы крупницы живой памяти о них, какое-то подлинное тепло, живое чувство, осязание тех людей, научиться знать их духовно, сочувствуя чаяниям и скорбям давно отошедшей жизни, насколько это вообще возможно для человека — постигать тайну личности и дух жизни другого. А главное — научиться сострадать... поскольку это сострадание есть одно из главных критериев подлинного христианства (Там же).

Так что именно «Воздыхания окованных» — в точном библейском, хотя и объемном понимании. Заголовок — прямое название того, что изображено и под каким углом зрения, прямая отсылка к сокровенной сути авторского видения.

Скрупулезно выявляются духовные первопричины «окованности» и «воздыханий». Помимо указания на автора и его концепцию, заголовок включает в себе драматическое и символическое двуединство. В нем звучит тема оторванности, отступничества, забвения и почти пресекавшейся традиции и одновременно восстановления этой традиции — в сердечном опыте проживания, приобщения к утраченному миру. Важна в самом начале обозначенная родственная связь бабушки и внучки (причем имеется в виду, конечно, не только кровное родство). У них и имя одно — Екатерина:

Таким хранителем семейной памяти многих поколений нашей семьи (и особым избранником Божиим) была моя бабушка Екатерина Александровна Домбровская, урожденная Микулина. <...> Бабушкиными глазами довелось и мне вглядываться в былое, сближаясь с теми, кто был за сто, двести, а то и более лет до меня; в ней самой переживать, проживать и постигать прошлое как свою собственную жизнь. Между нами был особенный тайный канал связи. Я любила бабушку, она любила меня, но не только меня, но и своих усопших, а в них — их любовью — она любила бывших и еще раньше — задолго до нее... По глубинному току, проходившему сквозь наши сердца, струились не гераклитовы воды времен, в которые нельзя войти дважды, но живые воды любви, которая не умирает (с. 719).

Повествование начинается с них и завершается рассказом о бабушке с вслушиванием в ее голос (включены письма Екатерины Александровны), а также духовными переживаниями внучки и ее приобщением к тайне жизни и смерти:

Но тут душа моя понеслась обратно, чтобы получить свои отрезвляющие пощечины по щекам, но пока неслась душа, я ликовала: смерти нет! Мне открыли самую великую тайну, и я теперь точно знаю, что смерти нет (с. 719).

В предисловии автор, обращаясь к читателю, называет свой труд «духовные скитания во времени». Это хотя и метафорическое, но верное обозначение жанровой природы «Воздыханий...», своего рода структурирующий книгу внутренний закон. Домбровская дает и другую номинацию — русская сага, указывая, с одной стороны, на первостепенную важность национального, а, с другой, подчеркивая включенность книги в мировой жанровый контекст — ее принадлежность семейно-родовому эпосу. В этом новизна, оригинальность — эпическое плюс поэтическое содержание (сказание, если иметь в виду исходный жанр) с погружением в духовную проблематику.

Книга, кроме предисловия («Размышления у кануна») и эпилога, включает три объемные части, заголовки которых также чрезвычайно значимы. Можно даже сказать о заголовочном символическом сюжете, органично развивающем темы, намеченные названием книги в целом и жанровой номинацией: «Глубокие воды», «Любовь и разлуки», «Русская Цусима». Прочитывается логика авторской интенции и повествовательного движения: от размышлений о таинственных глубинах жизни семьи, рода через осмысление конкретных драматических судеб и характеров — к переживанию обрушившейся на русский мир катастрофы. Добавим, что каждая часть представлена четырьмя главами. Подобная структуризация (вероятно, даже с опорой на числовую символику), при всей условности-формальности подобных составляющих какого-либо произведения, придает книге стройность и завершенность. Это напрямую соотносится с указанным жанром (сага — сказание) и приобретает особую значимость при таком большом объеме текста.

Первую часть предваряет эпиграф из Пушкина — поразительные малоизвестные строки: «Воды глубокие / Плавно текут. / Люди премудрые / Тихо живут» (прил. 1.2). А. Ф. Белоусов справедливо

указывает на эпичность и пословичную природу этого четверостишия: «“Воды глубокие...” являются “полной”, по определению В. И. Даля, пословицей, исключительно четкий и точный параллелизм между картиной природы и образом человеческой жизни соотносит их друг с другом как аллереорию и ее назидательное толкование»¹⁸. Очевидно, что в контексте всей книги эпитафия читается как образная формула давнего и утраченного бытия русского мира с его тишиной, мудростью, незыблемостью духовных констант.

Повествование первой части строится в большей степени с опорой на традиционные символы и архетипы национальной культуры, связанные с темой родного гнезда. Здесь, по существу, представлен один из вариантов «усадебного текста», обновленный философскими размышлениями о «кормящих ландшафтах»:

«Гости съезжались на дачу...» — так у Пушкина начинался один из его неоконченных прозаических отрывков, напоминая издавна дорогое и близкое русскому сердцу, наиприближеннее ему деревенское усадебное житие. Дача — и слово, и понятие тоже стародавнее: царские небольшие подарки в виде лесных угодий за службу, за мужество, за кровь, за верность... Усадьба же — все-таки понятие несколько иное, происходящее от слова «усаживать», садить, насадить. <...> Так и садился русский человек — кто на стол княжеский, на княжение, кто устраивался и обжился в усадьбах и усадях, словно дерево, пуская глубокие корни в землю, укореняясь, питаясь ее соками и дарами, ее красотой и сердцем вбирая в себя ее боголепный лик, начиная и лицом своим походить на образ родины. И это вовсе не какая-то выморочная мистика: как любящие и большую жизнь прожившие супруги начинают неумолимо походить лицом друг на друга, так и брак с родной землей взаимно преобразует и человека, и природу (с. 95).

Конечно, в изображении Орехова и Плутнева — родовых гнезд (оазисов культуры) — уже угадывается тональность «истончения», угасания. Не случайно «яблоневое имение Плутнево дворян Стечкиных, пожалованное императрицей Екатериной II», находилось под Алексиным, близ станции с говорящим именем Суходол. И вместе с тем все здесь еще живет, дышит традицией — «воды глубокие плавно текут».

¹⁸ Белоусов А. Ф. Источник «Вод глубоких...» // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) // РАН [сайт]. URL: http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ZH-_nUjdpuU=&tabid=10183 (дата обращения: 12.05.2017).

В эпилоге автор снова вспоминает очень выразительные пушкинские строчки, и вновь не очень-то известные, написанные поэтом незадолго до гибели в июле 1836 г.: «Напрасно я бегу к Сионским высотам, / Грех алчный гонится за мною по пятам... / Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий, / Голодный лев следит оленя бег пахучий» (с. 706).

Очевидно, что это четверостишие контрастирует с первым — и по интонации, и по смыслу. Оно лишено эпической ясности и сдержанности основного тона. Перед нами горячее переживание сокрушенного собственным грехом сердца. Выразительны инверсии, подчеркивающие накал, напряженность лирического состояния: «грех алчный», «ноздри пыльные», «песок сыпучий», «бег пахучий». Они усиливают и без того экспрессивное звучание стиха. Пушкинский шедевр здесь — возможность выразить высоким адекватным словом суть происходящего — катастрофы, обрушившейся на тот русский мир, «мудро живущий», с образным обозначением духовной причины этой катастрофы и в непосредственном соотношении с личной судьбой повествователя, с его переживанием собственной вины и греха. Перекличка двух пушкинских четверостиший через такой объемный текст, строящийся на соединении художественного, философского, документального дискурсов, замечательно остраивает его и тем самым придает большую остроту и выразительность воплощаемым смыслам.

Пушкинские цитаты — лишь малая часть присутствующих в книге классических текстов и авторов. Мир русской литературы как неотъемлемая составляющая национального и семейного космоса широко представлен в произведении Домбровской. Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Соловьев, Толстой, Тургенев, Бунин — приобщение к каждому из названных могло бы стать отдельной темой исследования. Так, заслуживают самого пристального внимания оригинальная трактовка гоголевского пафоса, размышления о специфике эпилогов у Тургенева и Достоевского, лермонтовская тема и множество других сюжетов, связанных с русской классикой.

Если первую часть во многом формирует «усадебный текст», то вторая³ выстраивается с опорой на не менее важный для русской культуры концепт странничества:

Космос необъятен — человек теперь стал мал и слаб, и нужны ему соразмерные его теперешней земной малости рамки бытия, из которых он, тем не менее, должен непременно вырасти, восстанавливая свое подлинное, не временное, но великое вечное достоинство. Это не просто отвержение быта (не двусмысленная интеллигентская безбытность), это перерастание человеком узких рамок быта, преобразование и возведение его во всех сторонах к Первообразу, к Божественному Подлиннику, к жизни настоящей, вечной, подлинной. В этой точке сопряжения «быт — бытие — Вечность» происходило испытание и «взятие проб» произволенй человеческих — куда устремлено наше око и где сокрыто сокровище наше: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф. 6 : 19–21). <...>

Так что все сходится: странничество — в лучшем и высоком его выражении — есть перерастание человеком своей вынужденной и немощной, но все-таки неотвратимой потребности в крыше и уюте, в теплых стенах прежде, нежели оборвется нить его земной жизни; преодоление своей немощи в поисках лучшего и совершеннейшего, — любви Небесного Отца и пребывания в Его Свете и Тепле, в Его обителях: «В дому Отца Моего обители многи суть» (Ин. 14 : 2) (с. 324–325) (прил. 1.3).

Повествовательную технику автор сравнивает с ветвящимся кустом:

Ветвится мой рассказ, как запущенный и давно не обрезавшийся куст, разрастающийся безнадзорно в разные стороны, от ветки — ветка, а от той — еще и еще ветка... (с. 313).

Но при этом внутренняя логика выдержана последовательным движением сквозного и одновременно спиралеобразного сюжета, обозначенного в самом начале. А движение это словно тормозится (метафора «от ветки к ветке») за счет концептуально значимых глав и фрагментов. Пример — глава «Пасхальный поцелуй». Построена она оригинально и повествовательно сложно: исповедальность основного тона, продиктованного болью сердечной и состраданием к судьбам близких и Отечества, продолжается символическими фрагментами. Это, например, описание страшного сна, являющего то, что таится в «наших разумно-сердечных глубинах», или почти мистическая сцена, когда автор вспоминает эпизод из детства — посещение кремлевской елки. Именно там, в Грановитой Палате, где она оказалась случайно (или не случайно), девочка-москвичка

проживает удивительные минуты родства и единения с прошлым, с историей:

А я все шла и шла, сто, двести, пятьсот метров и больше (это я сейчас уже прикидываю свой маршрут по дворцовым схемам), казалось бы, узнавая свой недавний путь к выходу из дворца. Но на самом деле я двигалась совсем в другую сторону: ...я вдруг очутилась... в сказочных глубинах древней русской жизни. ...Предо мной открылось все совсем другое: удивительной красоты расписные покои с низкими сводами, с темным деревом мощных резных кресел и лавок с лапами зверей вместо ножек, с красными коврами и узорчатыми решетками цветных окошек. И я тут позабыла все — и кто я, и где я, и почему иду, и куда иду по этим палатам, и только не могла отвести глаз от расписных стен, от сказочной красоты этой сказки о Царе Салтане или о Золотом петушке, от воплотившейся в один миг в реальность былинной моей любви к Руси, уже тогда переполнявшей мое детское сердце видениями и присутствиями на ковыльных «русских» полях, в дремучих еловых лесах, где таились богатырские сторожи, в деревнях, которые виделись мне только в сиянии чистоты — ключевой воды, шелковых мурав, русской милой льняной одежды, тихой поступи русских мягких, смиренных лаптей, плести которые учил меня еще недавно — тридцать лет назад — старичок-мастер под Зарайском (с. 417).

Эта же глава включает яркий эпизод из жизни бабушки, который трактуется как «мистический перекресток» ее судьбы, дальнейшей жизни. Эпизод дается тоже как видение героини, как картина из прошлого, вдруг увиденная со всей выразительностью подробностей. Речь идет о том, как Екатерина Александровна в декабре 1914 г., еще будучи молодой, с маленьким первенцем и няней (тоже с младенцем) оказалась в затерянной среди снегов Владимиро-Суздальской земли Мстёре:

В мире уже гремит страшная война, к небесам взрываются сотни тысяч человеческих последних воплей, а здесь среди темени пространств и жутко чернеющих вдали лесов древнего, былинного Владимир-Суздальского края все еще пребывает, течет (или стоит?) в каком-то совершенно ином измерении и в несравненных с обычными масштабах особая, сакральная историческая жизнь... мужик-иконник с большой холстинной сумой да коробом за плечами, полным иконами на выбор, да все отменные, тонкой кисти, изысканные, золотоузорчатые на благородно притемненном фоне... Но молодая и смелая, сильная и решительная предложение купить для сына

икону-благословение отвергает: вот еще, будет она увеличивать свой багаж иконой, хотя бы и чудного мстёрского письма. А няня тут же выбирает для своего дитяти прекрасный образ Богородицы, да в киоте и под стеклом: «Сына своего, Прохфира, благословлю этой иконой к свадьбе!» — говорит она, являя поистине грандиозный масштаб видения жизни (с. 421–422).

Размышляя, почему бабушка — отнюдь не атеистка — сделала такой выбор, писательница с опорой на евангельские и святоотеческие тексты трактует реальный эпизод из жизни близкого человека в аспекте духовно-ценностного слома модернистской эпохи в целом, который готовился исподволь, многие годы «ползучим процессом» распространяющейся «теплохладности» — оскудения веры, угасания религиозного чувства. И здесь, конечно, звучит голос Достоевского. В последних главах третьей части автор с горечью обнаруживает в жизни своих родных симптомы этих явлений. А, как известно, «духовная природа не терпит пустоты» (прил. 1.4). В главе, посвященной Верочке Жуковской, очень одаренной артистически, талантливой писательнице, речь как раз об этом. Прекрасно показаны ее религиозные метания. В поисках духовных опор она обращается к Андрею Белому, стремится лучше узнать веру сектантов, в частности, хлыстовство, знакомится с Распутиным и пишет заметки о нем. Повествование о жизни Верочки соединяется с фрагментами из ее паломнических рассказов — «Страннических воспоминаний» о путешествии по Поволжью в 1913 г. к знаменитому Светлояру — озеру, под воды которого ушел, по преданию, святой град Китеж. География путешествия символична. Она как нельзя лучше проясняет устремления души, ищущей духовные истины. Очевидны переклички этих воспоминаний с документальной пришвинской повестью, напечатанной чуть раньше, в 1909 г. — «У стен града невидимого». Сопоставительный анализ этих двух произведений мог бы составить отдельный литературоведческий сюжет.

Завершающая глава рассказывает о второй бабушке, с которой повествовательница была сердечно близка на протяжении всей жизни. В молодости так же, как и Верочка, Екатерина была связана с московской артистической средой, училась живописи вместе с Маяковским в студии Келина. А затем ее путь — это путь труженицы, подвижницы. Она стала реставратором икон. Во многих

храмах Великого Новгорода, Пскова, в грузинских монастырях — сохраненные ею реликвии. Глава называется «Сапфир — камень твердый» — так означена степень самостоянья, душевной крепости героини. Здесь представлен эпизод чудесного спасения бабушки, являющий «присутствие» мира невидимого в ее жизни. Незвестный, очень напоминающий витязя с монастырской фрески, которую возвращает к жизни Екатерина Александровна, помогает ей избежать, казалось бы, неминуемой гибели, поскольку, как замечает автор, «у нас *там* добра не забывают» (с. 641). Тему явленной свыше милости продолжает эпизод, в котором внучка предельно искренне рассказывает о своей страшной потере (у нее в возрасте 28 лет умирает старший сын) и о том, как поездка в Кирилло-Белозерский монастырь спасла ее от отчаяния:

Столько лет прошло с тех дней, но ни тогда, ни теперь я не могу усомниться в том, что было испытано мною тогда. Руками и щекой я прижималась к камням церкви как к материнскому сердцу, камни становились мокрыми, а мне в сердце шли волны тепла, милосердия, света, любви, утешения... Вскоре кто-то неожиданно открыл собор, и меня провели к могилке преподобного Кирилла. Она была раскрыта, снят покров и крышки склепа, вокруг я увидела рядки новых кирпичей, а внутри — песочек, который прикрывала пленка. Там уж я и не помню, что было со мной. Мне дали песочка из могилки преподобного Кирилла, который потом я привезла домой и высыпала там, где лежали мои близкие... (с. 646).

В эпилоге еще ярче акцентирована тема духовной преемственности, восстановленной в страданиях, страшных потерях, размышлениях и духовном поиске, которые становятся для героини настоящей «школой сокрушения», умножения любви.

Таким образом, если подводить итоги первого приближения к книге, которые скорее напоминают направления дальнейшего ее изучения, необходимо отметить следующее.

Перед нами своего рода жанровый прецедент — произведение, вобравшее целый ряд черт семейной хроники и собственно духовной прозы. При этом автор последовательно опирается на святоотеческую мысль, на традиции восточной аскетики. Домбровская четко разделяет душевный и духовный аспекты, что позволяет ей при всей выраженности эмоционально окрашенного тона избежать «дурной сентиментальности», столь характерной для книг подобного жанра.

Сдержанность, выверенность основной интонации при глубокой сердечности придают книге особую значительность, весомость.

М. Эпштейн в одной из последних статей предлагает с опорой на психолингвистику и европейские тексты типологию «книг жизни» — роман-нарратив и словарь-тезаурус¹⁹. В первом случае рассказ о прошлом выглядит как повествование о хронологически последовательных действиях-событиях. Во втором — перед нами словарь значимых и переживаемых сейчас концептов. Если сказать немного иначе — континуум ценностно и духовно значимых смыслов. Тогда последовательность изложения принципиального значения не имеет. «Воздыхания окованных», без сомнения, «книга жизни» — тезаурус.

Если эти тенденции выразить через систему пространственно-временных отношений, то речь идет об опространствливании формы²⁰. Благодаря памяти достигается эффект «освобождения от времени», и прошлое воспринимается как всегда пребывающее с нами настоящее — «длящееся настоящее».

Кроме того, книга чрезвычайно поучительна самим типом отношения к прошлому, к истории, к своим родным, к классикам русской литературы. Всё это не объекты для воздействия и манипуляций. Это субъекты диалога, который ведется на протяжении всей книги. Перед нами замечательный пример того, как внимательно автор слушает своих собеседников, сердечно вникает в смысл их переживаний. И это, вероятно, самый действенный способ сохранить традиции живыми, избежать их превращения в груду мертвых безличных форм.

Вопросы для размышления

1. Смысл и символика названия книги Е. Домбровской «Воздыхания окованных. Русская сага».
2. Роль и значение жанровой номинации книги.
3. Композиция книги: функции и смыслы.

¹⁹ Эпштейн М. Книга жизни: роман или словарь? Клейкие листочки // Живой журнал. URL: <http://mikhail-epstein.livejournal.com/182530.html> (дата обращения: 09.11.2015).

²⁰ См. об этом: Працгерук Н. В. Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999.

4. Литературный фон. Мир русской классики в «Воздыханиях окочанных».
5. Система мотивов и концептов. Тема «кормящего ландшафта», «усадебный текст», странничество и проблема духовной родины.
6. Тема веры, теплохладности и безверия в книге.
7. Осмысление духовных причин исторической катастрофы, постигшей Россию и русский народ.
8. Москва в изображении Е. Домбровской.
9. Герои и судьбы в книге как отражение истории страны, ее культуры.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Освоение духовной традиции русской литературы, понятой не только в проблемно-ценностном, но и в жанровом аспекте, лишь начинается. Требуют уточнений терминологический аппарат исследований такого рода явлений, инструментарий, методология.

Литературная духовная проза как особый метажанровый феномен, объединивший различные жанровые формы от миниатюры и фрагмента до романа и метаромана, до сих пор не осмыслена теоретически в достаточной степени, подходы к интерпретации этого феномена, параметры его «различения» только складываются. Тем важнее и увлекательнее исследовательские и познавательные задачи, которые предстоит решать обратившемуся к столь непростой по проблематике, пафосу и форме литературе.

Очевидно одно — что работа с подобным материалом (как, впрочем, и с любым другим, имеющим отношение к настоящей словесности) невозможна в парадигме субъект-объектных отношений. Необходимо выстраивать субъект-субъектные «цепочки»: автор — исследователь, автор — повествователь — герой, исследователь — художественный мир в многообразии тем и «голосов», и т. п., и т. п. При этом, когда мы говорим о духовной прозе, речь идет о субъектах особого рода — и это относится как к исследователю, так и к автору произведений. Они скорее смиренные созерцатели, их главная задача — вслушиваться, внимать, вглядываться. Эта процедура, еще раз повторю, обоюдная, она сродни феноменологической процедуре «вслушивания», «внятия», «усмотрения сущностей», с одной стороны, а, с другой — способ общения с миром (в том числе и с миром литературы), который опирается на свято-отеческую традицию познания как приобщения к Божественным логосам вещей. Такое приобщение возможно только в состоянии «сокрушенного сердца» или в стремлении к нему. Именно в таком состоянии и создается настоящая духовная проза. Авторское

«сокрушенное сердце», изначальная установка на смиренное, но активное созерцание претворяется в особый образ повествователя, стремящегося приблизиться, прикоснуться к духовной реальности, дать ей «голос» и приобщить, насколько это возможно, к этому «голосу» читателя. Такая внутренняя доминанта повествовательных инстанций и стратегий — важнейшее качество литературной духовной прозы наряду с теми параметрами и характеристиками, которые были указаны ранее.

Очень верно пишет об этом Е. Домбровская в своей новой книге о Чехове:

Самость выражает себя не только всплесками чувственных эмоций, но прежде всего почти всегда присущими ей самонадеянностью, самоуверенностью, а также *безапелляционностью, категоричностью, повелительностью (или прощю — властностью), ультимативностью*... Именно так словарь Ушакова и определяет эту пресловутую императивность. Чехов был начисто лишен и в своем творчестве и в жизни этих чуждых духу Христову несомненно греховных признаков. «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11 : 29). Чехов научился. Разумеется, Антон Павлович был при этом и очень твердым в своих взглядах и приоритетах человеком: «слово твердо»имел, что видно в переписке, в дневниковых записях. Но эта спасительная твердость веры ограничивалась в практике жизни нравственным императивом — «не обидеть человека»¹.

Сама проза московской писательницы, ведущей долгий (длинно в жизнь) сокровенный диалог с чеховским миром, как раз строится на преодолении такого рода императивности. Поэтому в продолжение диалогического субъект-субъектного освоения феномена современной духовной прозы предлагаются приложения (прил. 2, 3). Это авторская рецензия на уже упомянутую книгу, жанр которой писатель определяет как *метароман*, а также несколько фрагментов из этого яркого и очень своеобразного произведения.

¹ Домбровская Е. Путь открылся... Чехов. Духовные странствия Тимофея диакона. Гл. 9 // Проза ру. URL: [www/ Proza.ru/Домбровская Екатерина/](http://www.Proza.ru/Домбровская%20Екатерина/) (дата обращения: 17.04.2017).

Из аннотации, составленной автором к новому изданию книги «Воздыхания окованных. Русская сага»*

1.1. Книга Екатерины Домбровской «Воздыхания окованных. Русская сага» представляет собой не просто историю нескольких русских родов, чьи судьбы переплелись во времени, изложенную в традиционном для большинства произведений такого рода ключе. Эта книга — уникальная попытка увидеть и познать те духовно-нравственные закономерности, которые во многом определяют жизнь и судьбы человеческих родов, попытка, подкрепленная тем, что у автора сохранился богатейший семейный архив воспоминаний, переписки, дневников и фотографий за почти 200 лет истории его семьи. В этом подходе автор опирается на довольно малоизвестные работы и опыт изысканий отца Павла Флоренского, который начал заниматься этой проблемой на основании изучения своего собственного семейного архива и, хотя и не завершил этот труд, но оставил ценные концептуальные замечания для продолжения подобных размышлений.

Род и семья, о которой идет речь в книге Екатерины Домбровской, это прежде всего ее нравственный, духовно и исторически значимый центр — Николай Егорович Жуковский («отец русской авиации»); его родственники — представители древних дворянских родов, оставивших след в русской истории (Стечкины, связанные своим рождением с родом митрополита Филиппа Московского (Колычева), рюриковичи Микулины); его потомки — племянник Жуковского академик А. А. Микулин — знаменитый конструктор авиадвигателей; племянница Вера Жуковская, писательница Серебряного века, в свое время очень тесно связанная с ведущими фигурами своего времени, ныне известная своими недавно открытыми воспоминаниями о Г. Распутине; замечательный русский реставратор Екатерина Александровна Домбровская (также племянница Жуковского), которую не без оснований в истории древнерусского искусства именуют «бабушкой русской реставрации»; ее супруг Иван Домбровский, Георгиевский кавалер, участник I Мировой войны, в вынужденной эмиграции в 1918 г. ставший знаменитым

* Из личной переписки автора с Е. Домбровской. Материал не опубликован. Когда пособие готовилось к печати, вышло в свет второе издание книги: *Домбровская Е. Воздыхания окованных. Русская сага.* СПб., 2017. 752 с.

американским художником Джоном Грэхамом (его работы несколько лет назад выставлялись в Третьяковской галерее); Георгий Жуковский, героически погибший в Цусимском сражении и оставивший удивительные письма...

Книга — попытка оглянуться через пропасть, разделяющую нас и былую, старинную русскую жизнь, попытка понять ее и найти путь к единству. Эта книга о любви, скрепившей несколько поколений этой богато одаренной и во все времена глубоко патриотичной старинной русской семьи, даровавшей России святых, военных, ученых, художников, писателей.

В этой книге отсутствует вымысел, хотя она написана в лирико-исповедальной тональности (автор и свою судьбу стремится вписать в судьбу рода), поскольку реальные истории героев, сопряженные со многими историческими коллизиями из великого нерукотворного романа под названием «Судьба России», несомненно, драматичнее и намного поучительнее любых человеческих фантазий.

1.2. Первая часть книги озаглавлена строчкой из пушкинского четверостишия — «Глубокие воды». Само название привлекает внимание читателя к теме истоков, причем не только исторических, с коих начинается бытие любого человеческого рода, но к истокам как душевной глубине, памяти сердца и отчасти даже прообразу и основанию той или иной неповторимой личности. На первый взгляд, повествование движется по традиционному руслу классических воспоминаний из серии «детств и отрочеств»: мать, бабушка, послевоенная Москва и древнее Замоскворечье, древний Кремль, в которых открывается автору образ Родины; бывшая усадьба — родовое гнездо нескольких поколений рода, трогательные семейные реликвии из бабушкиного «несгораемого шкафа» (именно так и озаглавлена первая глава)... И все же направление повествования отличается от привычного: оно движется не по традиционному временному вектору — вперед, к возрастанию и возмужанию лирического героя, а назад — к его семейным корням.

В удивительно близком, тесном любовном общении бабушки и внуки постепенно оживают лица прошлого: те, кого знала и любила бабушка, хранительница семейных реликвий и памяти, становятся столь же дорогими и живыми для ее внуки. Воспоминания приглашают и читателя погрузиться в сферу глубинных корневых основ жизни, поразмышлять о «гении места», о мистической связи земли и человека, о «малой родине» как «кормящем ландшафте» (выражение Л. Н. Гумилева), пестующем облик рода и этноса. Это и родовая

«сигнальная наследственность» — казалось бы, специальный, но при этом очень жизненный и понятный термин. Он на страницах книги наполняется не только философским, но этическим и поэтическим звучанием — на примере любовной передачи традиций рода «от свечи к свече»: от древности, от прошлых поколений — через бабушку — к восприимчивому сердцу маленькой внучки...

Перед ее глазами оживают образы давно ушедших родных: бабушек, прабабушек, прадедов на фоне бережно сохраненных подлинных свидетельств их жизни — трогательной переписки и устоявшихся семейных преданий, которые русские историки всегда читали как исторические свидетельства, дневников, в которых с невероятной силой, сравнимой с языком «Повестей Белкина», звучит подлинный русский язык... Пространство воспоминаний ширится, все глубже погружаясь корнями в далекие времена. Словно анфилада дверей раскрываются перед читателем почти забытые страницы и тайны жизни предков, в которых все сильнее проступают и повторяющиеся родовые черты (как биологические, так и нравственные, духовные), и заметные причинно-следственные связи как неотменяемые духовные закономерности бытия...

На этом живом фоне, не опуская даже самых тонких и щемящих подробностей, не скрывая и болезненно горьких страниц (они открываются не в отстранении, а в сострадании и любви, в мудром понимании света и трагизма человеческой жизни) автор и размышляет о связи поколений, о духовной наследственности, которая на сей день как в естественных науках, так и в православном богословии считается проблемой недостаточно изученной, таинственной. Но непридуманная правда жизненных судеб, оживающих перед глазами читателя, позволяет увидеть эту проблему глазами одного из потомков рода — как в глубоком смысловом, так и в трогательно-поэтическом ключе...

1.3. Вторая часть книги «Любовь и разлуки» посвящена преимущественно теме с е м е й н о й. Перед нами проходит вереница образов семейных пар. Автор с особенным вниманием и вдумчивостью вглядывается в «святая святых» — в характер и дух, в стиль и традиции семейных отношений: и между супругами, и старшими, и младшими, и между родственниками, между братьями и сестрами. Обозначенный еще в первой части подход — «попытка соединения концов — взгляд через временную и духовную пропасть», отделяющую т у ж и з н ь, т е х л ю д е й и т е о т н о ш е н и я (автор опирается на пушкинский

образ: «другая жизнь и берег дальний»), позволяет автору увидеть то, что часто в мемуарной литературе специально не акцентируется.

Здесь же, напротив, ставится задача увидеть и передать тот особенный, ныне дикий дух и стиль внутрисемейных отношений: удивительную мирность при любых сложных внешних обстоятельствах, духовную крепость, обеспеченную истинной опорой на ценности православия, на традиции отцов, вскормленные верой; иерархичность в отношениях — почитание отца как главы семьи (при том, что в роду Жуковских все женщины отличались редкостной духовной силой, мудростью и завидным мужеством), родителей, послушание им, а с другой стороны — жертвенную, готовую к самоотречениям любовь родителей к детям, к семье, любовь не слепую, духовно строгую, но все-таки жертвенную.

Поражают нежность и тонкость, щепетильность внутрисемейных отношений, чему не становится помехой своего рода «древнерусская» простота, которая объединяла в прежние времена даже и разные сословия. Документы семейного архива, все эти опорные нравственные точки, подкрепляют убедительно: это и переписка мужа и жены — родителей Николая Егоровича Жуковского (глава «Страничек»), и их труды по воспитанию детей («Два языка во утробе твоей»), их готовность к самоотречению, это и редкая внимательность, сердечность и бережность в отношениях к родне, ближней и дальней, никогда не позволяющая вспыхивать семейным конфликтам. В семье Жуковских умели сохранять добрый мир, обходить острые углы, помогать ближним. Особой душевной открытостью отличался сам Николай Егорович — и об этом свидетельствуют многие подробности. Перед читателем оживает нежный и несколько печальный образ его сестры Машеньки (Глава «Незаметная жизнь. История Marie»), пожертвовавшей устройством своего семейного счастья ради великого брата.

Глава «Пасхальный поцелуй» — это история любви всей жизни удивительной супружеской пары — другой сестры Жуковского — Веры и ее избранника Александра Микулина. Сохранившаяся переписка супругов — свидетельство давно утраченных в нашем бытии поистине благоговеющих отношений друг к другу мужа и жены на протяжении десятилетий брака, начавшегося первым пасхальным поцелуем и окончившегося в 1919 г. смертью Микулина в драматических обстоятельствах революционного времени. Эта глава содержит уникальный документ: переписку совсем еще юной невесты Микулина Веры Жуковской с его маленькой сестрой-сироткой, воспитывающейся в пансионе. Юная Вера еще до обручения взяла на себя

душевную и поистине материнскую заботу о маленькой золовке, чему оставалась верна всю жизнь. Поистине материнская любовь и забота совсем еще юной девушки не только о своем женихе, но и о его близких, немалая и высокая редкость. Любовь эта оживает и цветет на страницах старинных писем...

1.4. Смысловым стержнем 3-й части «Русская Цусима» саги «Вздыхания окованных» становится трагедия великого русского разлома. Эта часть охватывает предреволюционные годы, в том числе и в значительной степени в художественном и духовно-нравственном плане Серебряный век, так как среди героев книги были и весьма заметные деятели того времени. В этой части перед читателем сначала в своем камерном, внутрисемейном виде открываются истоки русского разлома; в проекции конкретных судеб разворачиваются и набирают силы катастрофические события пред- и послереволюционных лет. Авторский взгляд и документы семейного архива позволяют расширить пространство повествования до Великой Отечественной войны и послевоенных лет — фактически до собственного прихода в мир самого автора. Круг замыкается: то, с чего начиналась книга в 1-й части, здесь возвращается к тому же самому времени, но уже с огромным нравственным багажом постижений и переживаний. И наконец уже в виде «Эпилога» читателям открываются судьбы героев, чья молодость пришлось на трагические годы революций, а зрелость — на годы Великой Отечественной войны.

3-я часть открывается главой «И первый клад мой честь была...», в которой рассказывается о трагическом разрыве родных братьев Микулиных — Александра, действительного статского советника, народолюбца, человека, отчасти по взглядам близкого партии кадетов, и Иосифа, генерал-майора, консерватора, глубоко преданного трону, беззаветно служащего русскому самодержавию в лице государя. Этот разрыв братьев на почве несовместимости взглядов становится пророческим символом русской трагедии. История их отношений поистине потрясает: в жертву русскому разлому, политике приносится братская любовь. Разлом проходит по сердцам, предрекая еще в самом начале XX в. грядущую Гражданскую войну, в которой уже и сыновья генерал-лейтенанта Микулина (посмертно) окажутся по разную сторону баррикад: с одной стороны — командарм Красной армии (вскоре репрессированный) и офицеры Белой армии.

Как и прежде, все смысловые сцепления, драмы судеб, душевные особенности героев открываются читателям не только в авторских раз-

мышлениях и отступлениях, но и в невероятно впечатляющей в своей неподражаемой подлинности внутрисемейной переписке — вплоть до засвидетельствованного в ней посмертного, отчасти мистического, но вполне убедительного примирения братьев, один из которых умирает от ран, полученных в сражениях Первой Мировой войны, а второй видит во сне это умирание в подробностях, а также их примирение в любви и смерти.

В этой части вновь читатель встречается и с другими, также впервые являемыми миру документами: военным дневником офицера «Дикой дивизии», посвященном жене — бабушке автора Екатерине Александровне Домбровской, будущему реставратору древнерусских памятников, а пока молодой женщине с двумя малышами и стариками на руках. Это и впервые публикуемые отрывки из очень интересных очерков писательницы Веры Жуковской о ее заволжских странствиях, ее переписка с Андреем Белым, с Бонч-Бруевичем, это свидетельства о последних годах жизни Николая Егоровича Жуковского. Это и судьбы сестер — их подвиг многолетнего тяжелейшего крестьянского труда ради прокормления ближних и дальних, и, конечно, это трагедия Цусимского сражения, в котором героически гибнет вместе с эскадрой один из дедов автора книги — мичман Георгий Жуковский.

Трагедия Цусимы (глава «Курс Nord-Ost 23°») разворачивается многомерно, во многих плоскостях — прежде всего через судьбы людей (редкостные по эмоциональной силе письма мичмана 1903–1904 гг. сестрам Жуковским из корпуса, а затем и из последнего плавания, в которых он в деталях предсказывает и ход будущего сражения, и собственную гибель); это свидетельства моряков, с ним служивших, — источники ныне труднодоступные, в которых боль и трагедия Цусимы вырастают до великих масштабов на фоне преступного равнодушия, бездействия и забвения Родины.

В этой части, как и в предыдущих, с самых первых страниц книги разворачивается перед читателем (главы «Сестры» и «Сапфир — камень твердый»), пожалуй, центральный, «несущий» и объединяющий всю конструкцию книги образ замечательной русской женщины в ее неповторимой красоте и духовной силе. Речь идет о бабушке автора Е. А. Домбровской, сохранившей в годы великих катаклизмов не только огромный семейный архив, но и живую, подробную память о роде и корнях, о традициях, носительницей которых она воистину была, и донесшей все это до внучки, чтобы эта бесценная и поучительная память о былой России дошла бы и до наших времен, соединив разорванные концы.

Е. Домбровская. Путь открылся... Чехов. Духовные странствия Тимофея диакона

Авторская аннотация к книге

Жанр этой книги односложно определить непросто. Это, конечно, роман: «роман воспитания», «роман-странствие» и даже «роман-исследование», но поскольку он жанрово многослоен, то скорее в современной трактовке и понятийной лексике это м е т а р о м а н. Его герой Тимофей, молодой человек из простой подмосковной провинциальной среды, выпускник пединститута, возвращается из армии и оказывается на перепутье. Он может полностью посвятить себя служению церкви (он с детства благодаря матери верующий, имеющий в церкви своего старца), поступить в семинарию и готовиться постепенно к тому, чтобы принять рукоположение во священника и стать пастырем. Или же продолжить свои научно-филологические занятия русской литературой, Чеховым, в которого он влюблен еще со школьной скамьи и о котором еще в пединституте начал писать нечто вроде исследования, убедившись в том, что Чехов так и «не прочитан», недопонят, а то и оболган.

Вопрос разрешает старец: он дает Тимофею благословение на подготовку к принятию (в перспективе) священства, но при этом велит и Чехова не оставлять, только теперь, продолжая работу над ему посвященным исследованием, смотреть уже на все глазами будущего пастыря, наставника душ человеческих, под углом той духовной пользы, которую может, по мнению старца, извлечь современный человек, читая, постигая и изучая наследие Чехова.

Старец безусловно видит Чехова как глубоко христианского писателя и несравненного знатока не только физических, но и душевных недугов человека, врача не только телесного, но и опытного врача духовного, в своем роде тоже «старца», имеющего глубокий правильный евангельский христианский взгляд на человека. Тимофею благословляется пребывать и в церковном служении — пока (и неизвестно, сколь долго) в скромной роли алтарника и чтеца, попутно оканчивая духовную семинарию.

Сюжетный стержень романа — путь молодого героя Тимофея к своей заветной мечте — к священству, к пастырству, чтобы помогать людям в их жизни на пути ко спасению. Повествование построено таким образом, что Тимофею приходится решать встающие перед ним различные, иногда даже в чем-то противоречивые с виду жизненные

задачи одновременно, в синтезе, совмещая, казалось бы, несовместимые пласты жизни. И то, что казалось противоречивым, сочетается, совмещается, цепляется одно за другое, помогает одно другому и, хотя и нередко весьма драматически, но зато с невероятной пользой для ума и сердца приносит неожиданно богатые плоды, одновременно способствуя настоящему пониманию произведений Чехова.

Занятия Чеховым, точнее — открытие нового, так и не открытого и не понятого ни современниками, ни потомками Чехова как писателя глубоко христианского становится для Тимофея основной задачей: он открывает Чехова, а Чехов помогает ему возрастать духовно и нравственно в его подготовке к будущему своему пастырскому духовно-нравственному служению людям. Занимаясь Чеховым и переживая внутренние драмы и коллизии современной церковной жизни (а их становится все больше и больше!), за которыми стоят драмы самой обычной жизни мирян, Тимофей одновременно «воюет» и полемизирует с современной литературной критикой, «перечеркивающей» Чехова. Каждому критическому выпадку — а они взяты автором из подлинной реальной жизни, хотя и без указания имен, Тимофей противопоставляет свой разбор оклеветанного произведения Чехова. По ходу развития сюжета в кульминационной части романа происходит промежуточное рукопожатие (хиротония) Тимофея во диакона. В романе этот важный момент жизни героя совпадает с разбором чеховского рассказа «Архиерей», на фоне жесткой современной полемики вокруг него. <...> Тимофей опровергает шаблонные трактовки критики, открывая новые подходы к прочтению «Архиерея» и пониманию глубокого авторского замысла.

* * *

Жизнь в романе проживается героем одновременно в нескольких планах:

— Повседневная церковная — и не только — реальность, преисполненная драматических коллизий и духовных противостояний (в частности борьбы обновленцев и традиционалистов и т. п.).

— Интеллектуальные борения современной литературной критики, преимущественно позиционирующей себя как христианской, и пронизывающей всю книгу полемики с ней Тимофея, которая всякий раз становится поводом к противопоставлению ей совершенно новых прочтений Чехова. Фактически здесь два плана: и критика, и Тимофеевы разборы произведений Чехова, наглядно

показывающие, в чем ошибаются и что искажают критики в своих трактовках.

— Исследование Тимофеем подоплеки критических заблуждений самих этих авторов «от православия», десятилетиями пребывавших в стенах церкви, а духа евангельского так и не постигших, оставшихся на самом деле в фарисейском устроении, с которым всю жизнь и боролся Чехов. Этим и объясняется непонимание Чехова современными неопитами. Тимофей пытается доискаться до корней этого духовного недуга в современной церкви.

— Новые подходы к постижению личности, биографии самого Чехова, присущей ему глубокой личностной сокровенности... В книге впервые вводятся неизвестные новые факты, касающиеся духовной стороны жизни Чехова. Исследуются его подлинные отношения со своим временем и окружающей средой. Совершенно по-новому рассматривается проблема его веры-неверия, причины, подвигшие его к поездке на Сахалин, его отношения с людьми... Предлагается и новое прочтение чеховской драматургии.

— Все свои подходы, размышления и выводы Тимофей свертывает в Евангелием: и чеховские страницы произведений, и самого себя, и ошибки, и заносчивые суждения церковных критиков, которые именуют себя православными... В этой части повествование обретает немалую духовную глубину, многие традиционные и заштампованные подходы рушатся, обнажаются подмены...

— В романе присутствует и еще один важный, можно сказать, фантастический пласт повествования (он органически вытекает как следствие из пункта предыдущего, посвященного Евангелию как главному критерию суждений и оценок). В жизни и работе героя, глубоко и горячо верующего человека, присутствует и не может не присутствовать помогающая ему Благодать Божия: это и неожиданные духовно-интеллектуальные озарения, это и перемещения его сознания во времени, видения, тема которых нечасто, корректно и без каких-либо излишеств в подлинности и сдержанности, но все же присутствуют в романе, постольку поскольку они присущи духовной жизни и специфике занятий героя, которого Бог в этом, несомненно, нужном и полезном поиске не оставляет без Своей помощи. Одновременно для читателя отчасти приоткрывается святая святых духовного молитвенного мышления...

* * *

Завершаются роман и его сюжетно-стержневая линия рукоположением Тимофея во священника, к которому впервые в его жизни подходит на первую исповедь нуждающаяся в его помощи страждущая душа...

Несмотря на многопластовость и многоплановость, на довольно оригинальную жанровую структуру книги, она читается легко, поскольку все зиждется на основе живой жизни, всем понятных и знакомых коллизий человеческих отношений, знакомых ситуаций, из которых герой пытается находить верные по Евангелию решения, одновременно подкрепляя их «живой кровью» чеховских текстов. При этом фабула романа довольно динамична. Герой не остается надолго на одном месте: он часто бывает в поездках, мы видим его во время встреч с очень разными людьми, вовлеченным в различные события — от драматических до курьезных; место действия время от времени перемещается в разные города, храмы, монастыри; серьезные диалоги и монологи героев перемежаются юмористически окрашенной речью, после чего следуют новые драматические эпизоды — все это создает в романе внутреннее движение и напряженность действия и мысли.

**Е. Домбровская. Путь открылся... Чехов.
Духовные странствия Тимофея диакона**

(фрагменты)

...Май был очень холодным в тот год, но удивительно чистым. Они пошли неблизкой дорогой — парком — хотелось дышать; и было необыкновенно приятно ступать по дорожкам, посыпанным какой-то похожей на толченый кирпич смесью из камушков; вокруг все было прибрано, умыто, прозрачно; все зеленело, но не буйно, а скромненько. Кое-где уже повывезали и распустились крокусы, островками на лужайках светились первые нарциссы, а в воздухе тонко пахло куличом и чем-то непередаваемым, пасхальным, радостным и бередящим надежды, но почему-то одновременно и болезненно щемящим сердце.

Тимофей только это время в весне и любил: за чистоту, за целомудрие, за холодок... Всё это прибавляло ему сил, яснил ум, притихали и умирялись чувства; в такое время Тимофей ощущал в природе несомненное дление Пасхи: словно в воздухе, незримо для людей, еще совершалось, пребывало едва слышимо богослужение... (гл. 2. «Брат и сестра»).

* * *

...Вспомнилось тут Тимофею: «У Чехова всяко яблоко надкушено и всяк плод с червоточиной» — разоблачения православной дамы, профессора литинститута: «Если его герой говорит восторженно и вдохновенно и о вещах возвышенных и идеальных, ищи в тексте непременно мину со взрывателем: она чутко отреагирует и уничтожит и оратора, и все его “возвышенное и идеальное”».

Верно, хотя только отчасти: примеров чистых, искренних, вдохновенных речей и реплик в произведениях Чехова множество. Что же касается мин со «взрывателями», дискредитирующих или снижающих велеречие героев, то они у Чехова свидетельствуют совсем не о том, что слышится ученой даме, но о глубоком и просвещенном христианстве Чехова, о его нелюбви к внешнему и показному, поскольку оно большей частью сигнализирует о тщеславии, а тщеславие (почти наверняка) — о фарисейском духе. Чехов — антипод фарисейства, и даже можно резче сказать — противоборец ему. И в этом несравненное чудо его христианства (гл. 2).

Наконец Тимофею открылась, вероятно, главная (или одна из главных) целей его труда: осмысление реакций как прижизненной, так и современной чеховской критики, сопоставление ее восприятий с духовными реалиями чеховского мира, каким он все мощнее, настойчивее и с неотразимой убедительностью открывался Тимофею.

Ощущение у него было, словно он напал на золотую жилу, которая обещала ему при надлежащей глубине и точности раскопов не остаться без прибытка. «Всего лишь» предстояло обнаружить и убедительно показать истинное духовное устройство Чехова, и рядом — истинное устройство (их веру и неверие) судей, не умевших, не хотевших и не бывших в состоянии дотянуться до духовного уровня чеховского гения. Самым трудным тут было соприкосновение не с атеистическими разборами, но с православными критиками и с их якобы христианскими подходами. Тимофею предстояла непростая и весьма рискованная задача обнаружения *неподлинности* этих подходов, тем более что таким критикам Чехова уже готов был с доверием внимать и нынешний читатель, далеко ещё не способный отделять такие плевелы от зерен в православном контексте: просто ему это было совсем еще не под силу (гл. 2).

Учебное издание

Праццерук Наталья Викторовна

СОВРЕМЕННАЯ ДУХОВНАЯ ПРОЗА: ТРАДИЦИИ, СМЫСЛЫ, ПОЭТИКА

Учебно-методическое пособие

Зав. редакцией

М. А. Овечкина

Редактор

Е. В. Березина

Корректор

Е. В. Березина

Оригинал-макет

Л. А. Хухаревой

Подписано в печать 24.05.2018. Формат 60 × 84^{1/16}.
Бумага офсетная. Цифровая печать. Усл. печ. л. 6,51.
Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 50 экз. Заказ 160.

Издательство Уральского университета
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 389-94-79, 350-43-28
E-mail: rio.marina.ovechkina@mail.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
<http://print.urfu.ru>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

